

Нада

Автор:

Генри Хаггард

Нада

Генри Райдер Хаггард

Аллан Квотермейн

«Несколько лет тому назад, как раз за год до зулусской войны, один европеец путешествовал по Наталю. Имя его не имеет значения, так как не играет никакой роли в этой истории.

Путник вез с собой два фургона с товаром и направлялся в Преторию. Погода была холодная, травы очень мало, а иногда и вовсе не было, что представляло немалое затруднение для прокорма волов и усложняло путешествие. Европейца соблазняла, однако, высокая ценность его транспорта в это время года, которая должна вознаградить его за возможную потерю скота. Он храбро продвигался вперед. Все шло хорошо до маленького города Тангера, на берегах р. Дугузы, где находился крааль Чеки, первого царя зулусов, приходившегося дядей Сетивайо...»

Генри Райдер Хаггард

Нада

* * *

Введение

Несколько лет тому назад, как раз за год до зулусской войны, один европеец путешествовал по Наталу. Имя его не имеет значения, так как не играет никакой роли в этой истории.

Путник вез с собой два фургона с товаром и направлялся в Преторию. Погода была холодная, травы очень мало, а иногда и вовсе не было, что представляло немалое затруднение для прокорма волов и усложняло путешествие. Европейца соблазняла, однако, высокая ценность его транспорта в это время года, которая должна вознаградить его за возможную потерю скота. Он храбро продвигался вперед. Все шло хорошо до маленького города Тангера, на берегах р. Дугузы, где находился крааль Чеки, первого царя зулусов, приходившегося дядей Сетивайо.

В первую же ночь, после отбытия из Тангера, погода значительно посвежела, густые серые облака заволокли небо и скрыли звезды.

«Однако, если бы я не знал, что нахожусь в Натале, я сказал бы, что надвигается снежная буря, – подумал про себя европеец. – Я часто видел такое небо в Шотландии – оно всегда предвещало снег!»

Затем он вспомнил, что в Натале уже много лет не бывало снега, это мысль отчасти успокоила его. Европейец выкурил трубку и лег спать под навесом одной из повозок. Среди ночи его разбудило ощущение сильного холода и слабое мычание волов, привязанных к повозкам. Он высунул голову из-под навеса и осмотрелся. Земля была покрыта густым слоем снега, в воздухе носились бесчисленные снежинки, разгоняемые холодным резким ветром.

Путешественник вскочил, поспешно натягивая на себя теплую одежду, и стал будить кафров, спавших под прикрытием повозок. Не без труда удалось вывести их из оцепенения, которое уже начинало овладевать ими.

Кафры вылезли из-под повозок, дрожа от холода, закутанные в меховые одеяла.

– Живо, ребята! – обратился он к ним на зулусском наречии. – Живо! Что ж вы хотите, чтобы скот замерз от снега и ледяного ветра? Отвяжите волов и загоните их между повозками, они хоть немного защитят их!

С этими словами он засветил фонарь и соскочил с повозки в снег.

С большим трудом удалось наконец кафрам отвязать волов, заочневшие пальцы плохо повиновались им, когда пришлось развязывать замерзшие веревки.

Повозки были выдвинуты в ряд, и в пространство между ними загнали всех тридцать шесть волов, которых и привязали посредством веревок, накрест протянутых между колесами. Покончив с этим делом, европеец снова взобрался на свою холодную постель, а дрожавшие от холода туземцы, подкрепившись ужином, расположились во второй повозке, натянув на себя парусину от походной палатки. На некоторое время водворилась тишина. Изредка раздавалось лишь беспокойное мычание столпившихся быков.

«Если снег не перестанет, я потеряю свой скот: он не вынесет этого холода», – думал про себя европеец.

Не успел он мысленно выговорить эти слова, как послышался треск порванных веревок и громкий топот копыт. Европеец снова выглянул из повозки. Волы, сбившись в кучу, бросились бежать и скоро исчезли в темноте ночи, ища защиты от холода и снега.

Через минуту они совершенно исчезли из виду. Делать было нечего, оставалось лишь терпеливо ждать рассвета. Наступившее утро осветило местность, густо засыпанную снегом. Предпринятые поиски не привели ни к чему.

Волы быстро убежали, и следы их занесло свежеснегавшим снегом. Европеец призвал на совет кафров и спросил, что теперь делать. Один советовал одно, другой – другое, но все были согласны с тем, что надо дождаться, чтобы снег растаял, прежде чем что-либо предпринять.

– Или пока мы сами не замерзнем, дураки вы такие! – возразил угрюмо европеец. Он был сильно не в духе, что, впрочем, было вполне естественно. Европеец терял по меньшей мере четыреста фунтов стерлингов на одних пропавших волах (около 3600 руб.) Наконец один из слуг выступил вперед – до этой минуты он упорно молчал – погонщик первой повозки.

«Отец мой, – обратился он к европейцу, – вот что я имею сказать. Волы пропали, а след их заметен снегом. Никто не знает, куда она побежали, живы ли они или представляют из себя груды костей; но там, внизу, в краале, – он указал рукою на несколько шалашей, расположенных склону холма, – приблизительно в двух милях расстояния живет колдун по имени Цвите. Он стар, очень стар, но обладает знанием, и если кто может сказать вам, отец мой, где находятся пропавшие волы, то это он!»

– Что за глупости! – ответил ему европейец. – Но так как в краале будет не холоднее, чем в этой повозке, пойдем туда и спросим, пожалуй, Цвите. Принеси-ка бутылку джина и немного нюхательного табаку для подарков!

Час спустя европейец уже находился в шалаше старого Цвите. Путешественник увидел перед собою очень старого человека, от него остались почти одни кости. Старик ослеп на оба глаза, и одна рука, а именно левая, была мертвенно-бледная и сморщенная.

– Что ты хочешь от старого Цвите, белый человек? – спросил старик тоненьким голосом. – Ведь ты не веришь мне? Не веришь в мое знание? Зачем же мне помогать тебе? А все же я исполню твое желание, хотя оно и противно вашим законам, а ты нехорошо поступаешь, обращаясь ко мне. Но я хочу доказать тебе, что не все ложь в нас, зулусских колдунах, и помогу тебе. Ты хочешь знать, отец мой, куда девались твои волы, прячась от холода? Не так ли?

– Совершенно верно! – ответил европейец. – У вас длинные уши!

– Да, отец мой. У меня длинные уши, хотя и говорят, что я стал глухнуть. У меня и глаза зоркие, хотя я и не вижу вашего лица. Дайте мне послушать! Дайте посмотреть!

Старик замолчал на несколько минут, мерно раскачиваясь взад и вперед, и наконец заговорил:

– У тебя ферма там, внизу, около Пин-Тауна, не так ли? Ага! Я так и думал, а на расстоянии часа езды от твоей фермы живет бур. У него только четыре пальца на правой руке. На ферме этого бура есть роща, и в ней растут деревья мимозы. В этой самой роще ты найдешь своих волов – да, да на расстоянии пяти дней пути отсюда ты найдешь всех своих волов. Я говорю всех, отец мой, но на самом

деле, всех, кроме трех: большого черного африканского вола, маленького рыжего зулусского однорогого и пестрого волов. Этим трех ты не найдешь, они погибли в снегу. Пошли людей, и тогда найдешь и остальных. Нет, нет! Я не прошу награды! Я не делаю чудес за плату: к чему же мне? Я и так богат!

Европеец стал смеяться, но, в конце концов, такова уже в нас сила веры в сверхъестественное, он послал людей в указанное место. И что же? На одиннадцатый день пребывания европейца в краале Цвите посланные вернулись и пригнали всех волов, за исключением трех. После этого европеец больше не смеялся. Эти одиннадцать дней он провел в одной из шалашей краала старого Цвите. Каждый день он приходил к нему и беседовал с ним. Часто такие беседы продолжались далеко за полночь. На третий день он спросил Цвите, почему его левая рука такая белая и сморщенная и кто был Умслопогас и Нада, о которых он мельком упомянул несколько раз. Тогда старик рассказал ему историю, изложенную в этой книге. День за днем старик рассказывал, пока не довел ее до конца. История эта не вся записана в этой книге, некоторые части ее могли быть забыты, другие пропущены. Автор не мог также передать всей выразительности зулусского наречия, не мог также создать точного образа рассказчика. На самом деле, он не только рассказывал свою историю, но воспроизводил ее действиями.

Если приходилось говорить о смерти воина, он ударяя палкой, показывая при этом, куда попал удар и как упал сраженный.

Если история затрагивала грустные факты, он стонал и даже иногда плакал. Старик говорил разными голосами, причем каждое из действующих лиц имело особый голос.

Этот старый, сморщенный человек, казалось, вновь переживал прошлое.

Прошлое само говорило со слушателем, повествуя о делах давно забытых, о делах никому более не известных.

Европеец записал сущность рассказа старика Цвите, как сумел, по возможности в духе изложения старика. Сама же история Нады и тех, чья жизнь была тесно связана с нею, произвела на него настолько сильное впечатление, что он пошел дальше и напечатал свои записки, для того чтобы и другие могли судить о ней. Теперь роль его кончена.

Пусть тот, кого называют Цвите, но который на самом деле носит другое имя, начинает свой рассказ.

Пророчества мальчика Чеки

Вы просите меня, отец мой, рассказать про юношу Умслопогаса, владельца Железной Повелительницы, секиры, «Виновницы Стонов», прозванного впоследствии Булалио-Убийца, и про его любовь к Наде – самой прелестной женщине племени зулусов?

История эта длинная, но вы пробудете здесь не одну ночь, и если я буду жив, то расскажу ее вам до конца.

Приготовьтесь, отец мой, услышать много грустного, даже теперь, когда я вспоминаю о Наде, слезы подступают к омертвелой роговой оболочке, которая скрывает солнечный свет от моих старых глаз!

Знаете ли вы, кто я, отец мой? Нет, наверное, не знаете. Вы думаете, что я старый колдун Цвите. Так и люди думают уже много лет, но и это не мое настоящее имя. Мало кто знал его. Я хранил его затаенным в сердце; потому что, хотя я и живу теперь под защитой законов белого царя, а великая королева считается верховным вождем моего племени, но если бы кто узнал мое настоящее имя, то и теперь асsegай мог бы найти дорогу к этому сердцу!

Взгляните на эту руку, отец мой, нет, не на ту, которая иссушена огнем, посмотрите на мою правую руку. Вы видите ее, а я не вижу, потому что слеп, но я помню ее такую, какую она была когда-то. Ага!

Я вижу ее красной и сильной, красной, потому что она обагрена кровью двух царей.

Слушайте, отец мой, наклоните ухо ко мне ближе и слушайте. Меня зовут Мопо! Ага! Я чувствую, что вы вздрогнули, вздрогнули так, как дрогнул отряд Пчел, когда Мопо выступил перед ними, и с асsegая в его руках кровь царя Чеки медленно капала на землю.

Да! Я тот самый Мопо, что убил царя Чеку. Я убил его вместе с принцами Динганом и Умланганом, но рана, лишившая его жизни, была нанесена моей рукой. Не будь меня, никогда бы его не убили. Я убил его сообща с принцами, но только Динган, я и еще один человек убивали его!

- Что вы говорите? Динган погиб при Тангале!

Да, да, он погиб, но не там, он погиб на горе Привидений и лежит на груди каменной колдуньи, которая сидит там, на вершине, в ожидании конца мира. И я был на горе Привидений. В то время ноги мои двигались быстро, а жажда мести не давала мне покоя.

Я шел весь день и к ночи нашел его. Я, да еще другой, и мы убили его. Ха! Ха! Ха! Зачем я вам, в сущности, все это говорю? Что это имеет общего с любовью Умслопогаса и Нады, по прозванию Лилия? А вот сейчас скажу вам. Я заколол Чеку из мести за мою сестру Балеку – мать Умслопогаса, и за то, что он умертвил моих жен и детей. Я и Умслопогас убили Дингана за Наду – мою дочь!

В этой истории встречаются великие имена, отец мой, эти имена известны многим. Когда импи дико выкрикивали их, идя на приступ, я чувствовал, как горы содрогались, я видел, как вода трепетала в своем русле. Где они теперь? Их нет, но белые люди записывают имена их в книги. Я – Мопо – открыл врата вечности носителям этих имен. Они вошли в них и больше не вернулись. Я обрезал нити, привязывавшие их к земле, и, они сорвались. Ха! Ха! Они сорвались! Может быть, и теперь падают, а может быть, ползают по своим опустевшим жилищам в образе змей. Я хотел бы узнать этих змей, чтобы раздавить их под своим каблуком.

Вон там, внизу, на кладбище царей есть яма. В этой яме лежат кости царя Чеки – того царя, что убит мною за Балеку. А там далеко, в стране зулусов, есть расщелина в горе Привидений. У подножия этой трещины лежат кости Дингана, царя, убитого за Наду. Падать было высоко, а он был тяжелый, кости его рассыпались на мелкие куски.

Я ходил смотреть на них после того, как шакалы и коршуны покончили свое кровавое дело. О, как я хохотал! Потом и пришел сюда умирать. Все это было давно, а я еще не умер, несмотря на то, что желаю умереть и пройти скорее по тому пути, где прошла моя Нада. Может быть, я для того и жив еще, чтобы

рассказать вам эту историю, отец мой, а вы передадите ее белым людям, если пожелаете.

Вы спрашиваете, сколько мне лет? Да я и сам не знаю. Я очень, очень стар. Если бы царь Чека был жив, он был бы одних лет со мной. Никого не осталось в живых из тех, кого я знал мальчиками. Я так стар, что мне следует торопиться. Трава вянет, настает зима. Да, пока я говорю, зима окутывает холодом мое сердце. Что же! Я готов уснуть в этом холоде, и кто знает, быть может, снова проснусь среди благоухающей весны.

Раньше еще, чем зулусы составили отдельное племя, я родился в племени Лангени. Племя наше было небольшое, впоследствии все те, кто способен был сражаться, составили лишь один отряд в войске царя Чеки – их набралось всего-то, может быть, от двух до трех тысяч – но зато все наперечет были храбрецы. Теперь все они умерли, и жены их, и дети, да и все племя больше не существует. Оно исчезло, подобно тому, как исчезает луна каждого месяца.

Племя наше жило в красивой открытой местности. Говорят, там живут теперь буры, которых мы звали Анабооны. Отец мой, Македама, был вождем этого племени, и его крааль расположен был на склоне холма. Я не был, однако, сыном его старшей жены.

Однажды вечером, когда я был еще совсем маленький и ростом едва достигал локтя взрослого человека, я сошел с матерью в долину, где находился загон для скота: нам хотелось посмотреть наше стадо. Мать моя очень любила своих коров; между ними была одна, с белой мордой, она, как собака, ходила следом за нею. Мать моя несла на спине маленькую сестру мою Балеку. Балека была в то время еще маленькой. Мы шли по долине, пока не встретили пастухов, загонявших скот. Мать подозвала корову с белой мордой и кормила ее из рук листьями мучного дерева, которые захватила с собой. Пастухи погнали скот дальше, а корова с белой мордой осталась около моей матери. Мать сказала пастухам, что приведет ее сама, когда вернется домой. Она села на траву, держа на руках Балеку, я играл около нее, корова паслась около нас. Вдруг мы увидели женщину, идущую по долине по направлению к нам.

По ее походке было заметно, как она сильно утомлена. К спине ее был привязан узел, завернутый в циновку. Она вела за руку мальчика приблизительно моих лет, но выше ростом и на вид сильнее меня. Мы ждали довольно долго, пока женщина дошла до нас и в изнеможении опустилась на землю.

По ее прическе мы сразу узнали, что она не принадлежала к нашему племени.

- Здравствуйте! - сказала женщина.

- Здравствуйте! - ответила моя мать. - Что вам надо?

- Мне надо поесть и шалаш, где бы я могла отдохнуть, - ответила женщина. - Я иду издалека!

- Как ваше имя и какого вы племени? - спросила мать.

- Зовут меня Унанда, я жена Сенцангаконы, из племени зулусов! - ответила незнакомка.

Надо сказать вам, отец мой, что между нашим племенем и зулусами только что была война. Сенцангакона убил нескольких наших воинов и захватил много скота, а потому, когда моя мать услышала слова Унанды, она гневно вскочила на ноги.

- И ты смела прийти сюда и просить пищи и крова - ты, жена зулусского пса! - воскликнула она. - Убирайся прочь, не то я позову работниц и прикажу выгнать тебя отсюда кнутами!

Женщина - она была очень красива - молча ждала, пока моя мать кончит свою гневную речь, тотчас подняла голову и тихо сказала:

- Около вас стоит корова, у которой молоко сочится из вымени, неужели же вы откажете дать мне и моему мальчику кружку молока? - она вынула из своего узла кружку и протянула ее нам.

- Конечно, не дам! - сказала моя мать.

- Нам так хочется пить после долгого пути, - продолжала женщина, - может быть, вы дадите нам кружку воды? Мы уже давно не встречали источника!

- Не дам, песья жена, иди и сама ищи себе воды!

Глаза женщины наполнились слезами, мальчик скрестил руки на груди и нахмурился. Это был очень красивый мальчик, с большими черными глазами, но когда он хмурил брови, глаза его темнели, как темнеет небо перед грозой.

– Матушка, – оказал он, – видно, мы так же непрошенные гости здесь, как и там, внизу! – И он кивнул головой по направлению той стороны, где жило племя зулусов. – Пойдем в Дингисвайю, там племя Умтетва защитит вас!

– Пойдем, сын мой, – ответила Унанда, – но путь наш дальний, а мы с тобой так устали, что, пожалуй, и не дойдем!

Я молча слушал и почувствовал, как сердце мое содрогнулось от жалости. Мне было жалко и женщину, и мальчика. Оба казались такими утомленными. Ни говоря ни слова моей матери, я схватил ковш и побежал к источнику. Через несколько минут я вернулся с водой. Мать моя очень рассердилась и хотела поймать меня, но я быстро промчался мимо нее и подал ковш мальчику. Тогда мать решила больше не мешать мне, но все время словами старалась уязвить женщину. Она говорила, что муж ее причинил зло нашему племени и что сердце подсказывает ей, что он причинит еще большее зло. Так говорит ей ее Элозий[1 - Элозий – добрый гений.]. Ах, отец мой, Элозий ее был прав! Если бы женщина Унанда и ее сын умерли тут же, на лугу, в этот день, поля и сады моего племени не обратились бы в голые степи и кости моих единомышленников не валялись бы в большом овраге, там, около крааля Сетивайо.

Пока моя мать говорила, я стоял молча рядом с беломордой коровой и наблюдал за происходившим. Сестренка Балека громко плакала.

Мальчик, сын Унанды, взяв из моих рук ковш, не подал воды матери. Он сам выпил две трети, и я думаю, он выпил бы и все, если бы жажда его не была утолена. Затем он подал остаток воды матери, и она выпила ее. Тогда, взяв ковш из ее рук, мальчик выступил на несколько шагов вперед, держа ковш в одной руке, а в другой короткую палку.

– Как тебя зовут, мальчик? – спросил он меня тоном взрослого.

– Меня зовут Мопо! – ответил я.

– А как зовут ваше племя?

Я назвал ему наше племя – племя Лангени.

– Хорошо, Мопо, теперь я скажу тебе мое имя. Меня зовут Чека, я сын Сенцангаконы, и мое племя зовут Амузулусы. Я тебе скажу еще что-то. Теперь я маленький мальчик, и мое племя – маленькое племя, но придет время, когда я вырасту такой большой, что голова моя будет теряться в облаках, ты будешь смотреть вверх и не увидишь ее. Лицо мое ослепит тебя, оно будет сиять подобно солнцу, а племя мое возрастет одновременно со мной и, наконец, поглотит весь мир. Слушай меня! Когда я стану велик и мое племя со мной возвеличится, тогда я припомню, как однажды Лангени отказали дать мне с матерью ковш молока, чтобы утолить жажду. Ты видишь этот ковш. За каждую каплю, которую он может содержать, будет пролита кровь человека – кровь одного из ваших единоплеменников. Но за то, что ты, Мопо, дал мне воды, я пощажу тебя, одного тебя, Мопо, и возвеличу тебя. Ты разжиреешь в тени моей славы. Тебя одного я никогда не трону, как бы ты ни провинился передо мной – клянусь тебе в этом. Но зато эта женщина, – и он указал, палкой на мою мать, – пусть торопится умереть, чтобы мне не пришлось заставить ее желать, смерти. Я сказал!

Мальчик заскрежетал зубами и погрозил нам палкой. Мать моя молча стояла в стороне, наконец, она не выдержала:

– Негодный лгунишка! Говорит, точно большой, неправда ли? Еще теленок, а ревет, как бык!

– Я научу его говорить иначе, мальчишка, злой прорицатель! – И, спустив Балеку на землю, она побежала к мальчику.

Чека стоял неподвижно, пока она не подошла совсем близко к нему, тогда он вдруг поднял палку и так сильно ударил ее по голове, что она тут же упала. Он захохотал, повернулся и ушел в сопровождении своей матери.

Это были первые слова Чеки, слышанные мною, отец мой. Они оказались пророческими и оправдались. Последние слова, слышанные мною, тоже были пророческими и, я думаю, тоже оправдаются. Они, впрочем, и теперь уже исполнились. Во-первых, он сказал, что племя зулусов возвысится. И что же,

разве это не так? Во-вторых, он предсказал, как оно падет, – и оно падет. Разве белые люди не собираются уже теперь вокруг него близ Сетивайо, подобно тому, как коршуны собираются вокруг околевающего быка. Зулусы уже не те, что были прежде.

Да, да, слова его оправдаются, и голос мой – это голос племени уже осужденного.

Но об этих других словах Чеки я скажу в свое время.

Я подошел к своей матери. Она приподнялась с земли и села, закрыв лицо руками. Кровь из раны, нанесенной палкой Чеки, текла по ее рукам и падала на грудь.

Так она сидела долго, ребенок плакал, корова мычала, как бы прося подоить ее, а я все вытирал кровь, сочившуюся из раны, пучками сорванной травы. Наконец она отняла руки от лица и заговорила со мной.

– Мопо, сын мой, мне снился сон. Я видела мальчика Чеку, ударившего меня, он вырос и стал великаном. Он гордо выступал по долинам и горам, глаза его сверкали, как молния; и в руках он держал ассегай, обагрённый кровью. Вот он захватывает одно племя за другим, он топчет ногами их краали. Перед ним все зелено, как летом, позади все черно, как будто огонь сжег траву. Я видела и наше племя, Мопо. Оно было многочисленно и здорово, мужчины храбры, девушки красивы, детей я считала сотнями. Я видела его еще раз, Мопо, – от него остались лишь кости, белые кости, тысячи костей, наваленных в кучу в каменистом овраге, а он, Чека, стоит над этими костями и хохочет так, что земля трясется. После этого, Мопо, в этом видении я увидела тебя взрослым человеком. Ты один остался в живых из всего нашего племени. Ты ползал за великаном Чекой, а за тобой шли другие, великие мужи царственной осанки. Ты ударил его небольшим копьем, он упал и снова сделался маленьким. Он упал и проклял тебя! Но ты крикнул ему в ухо одно имя – имя Балеки, твоей сестры, и он испустил дух. Пойдем домой, Мопо, пойдем домой, темнеет!

Мы встали и медленно направились к дому. Но я молчал, потому что мне было страшно, очень страшно, отец мой.

Приключения Мопо

Теперь я должен рассказать вам, как скоро исполнилось предсказание Чеки о смерти моей матери и как она умерла.

На том месте лба, по которому мальчик Чека ударил ее палкой, образовалась глубокая язва. Ее невозможно было залечить. В этой язве образовался нарыв, он проникал все глубже, пока не дошел до мозга, тогда моя мать слегла и вскоре умерла. Я очень любил ее и горько плакал. Вид ее тела, холодного и окоченелого, приводил меня в ужас. Как громко я ее ни звал, она не отвечала мне.

Мать мою похоронили и скоро забыли о ней. Я один помнил ее, остальные все забыли, даже Балека забыла, она была еще слишком мала. Мой отец взял себе другую жену и вскоре успокоился.

С этих пор я почувствовал себя несчастным. Братья не любили меня за то, что я был умнее их, да и проворнее бегал. Они восстали против меня отца и он стал дурно обращаться со мной.

Но Балека и я любили друг друга, мы оба чувствовали себя одинокими, она льнула ко мне, подобно тому, как вьющееся растение обвивается вокруг единственного дерева в пустыне, и, несмотря на свою молодость, я уже вывел следующее заключение: быть мудрым – значит быть сильным, потому что хотя убивает тот, у кого в руках ассегай, но сильнее тот, чей разум руководит битвой, а не тот, кто убивает.

Я заметил тоже, что колдуны и знахари внушали страх народу – их боялись до такой степени, что, будь они вооружены одной лишь палкой, десять человек, вооруженных копьями, обращались перед ними в бегство.

Ввиду этого я решил сделаться колдуном, так как только колдун может убить одним словом тех, кого он ненавидит. Я стал изучать медицину, приносил жертвы, постился в пустынном месте, одним словом, делал все то, о чем вы уже слышали, и многому научился. В нашем волшебстве все же есть и знание – не все ложь. Вы сами могли в этом убедиться, отец мой, иначе не пришли бы ко мне и не спросили о ваших пропавших быках.

Время все шло вперед, мне минуло уже двадцать лет, и я стал взрослым человеком. Я превозмог все, чему мог научиться один, и присоединился к главному знахарю и колдуну нашего племени. Его звали Нама. Он был стар, видел только на один глаз и считался очень умным человеком. От него я научился некоторым тайнам нашей науки и приобрел не мало знаний, но он стал мне завидовать и подставил мне ловушку.

Случилось, что у богатого человека из соседнего племени пропала часть его скота. Он приехал к Наме, привез подарки и просил его выследить пропавший скот. Нама попробовал и не мог найти: зрение начинало изменять ему.

Тогда человек этот рассердился и потребовал возвращения подарков. Нама не хотел отдавать то, что ему уже было дано, и они обменялись крупными словами.

Тот объявил, что убьет Наму. Нама, в свою очередь, пригрозил околдовать его.

- Успокойтесь! - сказал я, боясь, что кровь будет пролита между ними.

- Подождите и дайте посмотреть, не скажет ли мне мой змей, где находится пропавший скот?

- Ты мальчишка, и больше ничего! - возразил хозяин скота. - Разве мальчику доступна такая мудрость?

- Это мы скоро увидим! - ответил я, забирая кости в руку[2 - Колдуны-кафры употребляют для колдовства суставы звериных костей и бросают их, как мы бросаем кости в игре.].

- Оставь кости! - закричал Нама. - Мы не станем больше беспокоить наших змеев для этого собачьего сына!

- А я говорю, что он бросит кости! - возразил владелец скота. - Если ты станешь мешать, я этим ассегаем пропушу свет сквозь твое тело!

С этими словами он занес свое копье над головой Намы.

Тогда я поспешно приступил к делу и бросил кости. Владелец скота сидел передо мной на земле, и отвечал на мои вопросы. Вы сами знаете, отец мой, что иногда колдуны узнают, где находится потерянное. Их уши длинные, и подчас Элозий подсказывает им, как, например, на днях подсказал мне про ваш скот. И в этом случае мой змей выручил меня. Я ничего ровно не знал о скоте этого человека, но мой дух был со мной, и вскоре я увидел их всех и описал каждого из них; цвет, возраст, одним словом, все приметы.

Я мог сказать ему также, где они находятся и что один из волов упал в поток и лежит на спине, причем его передние ноги защемлены в раздвоенном корне дерева. Как мне подсказал дух, так я и передал этому человеку. Он остался очень доволен и сказал, что если мое зрение не обмануло меня и он найдет свой скот в указанном мною месте, подарки будут отобраны у Намы и переданы мне. Присутствующие вполне согласились с ним.

Нама сидел молча и злобно поглядывал на меня. Он знал, что я угадал верно, и очень сердился на меня. Дело казалось выгодное, стадо было большое, и если будет найдено там, где я указал, то все признают меня великим колдуном. Владелец скота объявил, что проведет ночь в нашем краале, а на рассвете пойдет со мною к указанному мною месту. Среди ночи я проснулся от ощущения тяжести на груди. Я попробовал вскочить, но почувствовал, как что-то холодное колет мне шею. Я снова откинулся, стараясь разглядеть, в чем дело. Дверь моего шалаша была открыта. Луна на небе спустилась уже низко и походила на огненный шар. Я мог разглядеть и через дверь. Лунный свет проникал в мой шалаш и упал на лицо Намыколдуна, который сидел передо мной, злобно посматривая на меня своим единственным глазом. В руках он держал нож. Вероятно, этот нож и уколол меня в шею.

– Ах ты, щенок! Я вижу, что вырастил тебя на свою погибель! – зашипел он мне на ухо. – Ты осмелился угадать то, чего я не угадал. Так-то? Прекрасно. Теперь я покажу тебе, как я справляюсь с такими щенками, как ты. Начну с того, что проколю язык твой до самого корня, чтобы ты не мог болтать, потом разрежу тебя на куски, а утром скажу народу, что это сделали духи в наказание за твою ложь. Затем отрежу тебе руки и ноги. Да, да, я сделаю тебя похожим на палку! Потом я... – И он начал вонзать нож в мое горло.

– Пощади меня! – закричал я. Нож делал мне больно, и я не на шутку перепугался. – Пощади! Я сделаю все, что хотите!

– Все сделаешь? – допрашивал старик, продолжая колоть меня ножом. – Ты встанешь сейчас же, пойдешь искать стадо этого негодяя, загонишь его в указанное мною место и спрячешь там! – При этом Нама назвал овраг, мало кому известный. – Если ты это сделаешь, я пощажу тебя и выделю трех быков. Если же ты откажешься исполнить мое требование или обманешь меня, клянусь духом моего отца, я найду способ покончить с тобою!

– Конечно, я все сделаю, – поспешно ответил я, – отчего ты не доверился раньше? Если бы я знал, что ты не хочешь отдавать скот, я не стал бы его выслеживать. Я поступил так, боясь, что ты лишишься обещанных подарков!

– Ну, ладно, ты еще не такой злодей, как я думал, – проворчал Нама, – вставай и исполняй мое приказание. Еще успеешь вернуться за два часа до рассвета!

Я встал, размышляя, не могу ли я сейчас же броситься на него. У меня в руках не было никакого оружия, а у него был нож, если бы мне и удалось убить его, меня обвинят в его смерти и мне самому не миновать асsegая. Но я придумал другой выход. Я решил отыскать скот в той долине, где выследил его, но не прогонять стадо в указанное колдуном место. Нет, нет, я прямо пригоню его в крааль и изобличу Наму перед моим отцом и всем народом. Увы! Я в то время был молод и не знал коварного сердца Намы. Недаром он был колдуном всю свою жизнь. О! Это был злой человек – хитрый, как шакал, свирепый, как лев. Он посадил меня как дерево, но намеревался подрезать корни. Теперь я вырос, и тень моя падала на него, поэтому он хотел меня вырвать с корнем. Я направился в угол моего шалаша. Нама все время зорко следил за мною. Я взял свое керри и маленький щит и вышел; луна ярко светила на небе. Пока я шел по нашему краалю, я старался скользить, как тень, но выйдя за ворота, пустился бегом, громко распевая песню, чтобы отогнать духов, отец мой.

В продолжении часа я быстро шел по долине, пока не дошел до склона холма, где начиналась заросль кустарников. Здесь было темно, и я стал петь еще громче.

Вскоре я убедился, что мой змей не обманул меня – вот и следы скота. Я бодро пошел дальше, пока не добрался до долинки, по которой с легким журчанием протекал ручеек. Следы скота выступали уже совершенно ясно. Теперь я дошел до пруда. У самого берега плавал утонувший бык с ногами, защемленными в раздвоенном корне. Все оказалось именно так, как я видел моими духовными очами.

Я сделал еще несколько шагов вперед и огляделся. Взор мой упал на что-то светлое – то был серый свет утренней зари, слабо блеснувший на рогах скота. Пока я всматривался, одно из животных захрапело, поднялось и стряхнуло с себя ночную росу. В тумане рассвета вол показался мне ростом с большого слона.

Я собрал в кучу и пересчитал всех животных – их было семнадцать, – и погнал их перед собою по узкой тропинке, ведущей к краалю. С каждой минутой становилось светлее, с минуты восхода солнца прошло уже более часа, когда я достиг того места, где мне следовало свернуть, если бы хотел спрятать окот, как приказал мне Нама! Но я вовсе не желал исполнить его приказания, «О нет! Я пригоню скот, – решил я про себя, – прямо в крааль и скажу всему народу, что Нама – вор!»

В эту минуту послышался шум. Я оглянулся и увидел на откосе холма приближающуюся толпу народа. Во главе их шел Нама. Рядом с ним я разглядел владельца скота. В полном недоумении я замер на месте. Дикари бросились ко мне с криками, размахивая палками и копьями.

– Вот он! – кричал Нама. – Вот он! Каков ловкий мальчик? Я вырастил его, а он покрывает срамом мою седую голову! Не прав ли я? Не говорил ли я, что он вор? Да! Да! Я знаю твои проделки, Мопо! Посмотрите, он хотел украсть скот! Он все время знал, где найти его, а теперь угоняет стадо и хочет спрятать его. Оно, конечно, пригодилось бы ему на покупку жены, не так ли, мой умный мальчик?

Старик стремительно бросился ко мне с поднятой палкой, за ним последовал владелец скота с громким злобным рычанием.

Я понял сразу, в чем дело, отец мой. В душе поднялась целая буря злобы, у меня закружилась голова, перед глазами заколыхалась как бы красная скатерть, казалось, она то опускалась, то опять поднималась. С этих пор я всегда видел ее перед глазами каждый раз, когда мне приходилось вступать в бой.

Я крикнул только одно слово – «Лжец!» и кинулся ему навстречу. Нама тоже приближался ко мне. Он ударил меня палкой, но мне удалось подставить под его удар мой маленький щит и вовремя отскочить. Я в свою очередь ударил его. О! Как я ударил его! Череп Намы встретился с моим керри, и Нама упал мертвый к моим ногам. Я снова зарычал, как зверь, и бросился на второго врага. Он метнул

в меня копьем, но оно не попало в меня, и в следующую секунду я ударил его вторично. Он поднял свой щит, но я выбил его из рук моего противника, и щит полетел через его голову, а сам он упал без чувств. Остался ли он в живых или нет, не знаю, но, вероятно, что он остался жив.

Весь народ замер, я воспользовался этой минутой и обратился в бегство. Дикари кинулись за мной, бросая в меня камнями и стараясь поймать меня, но никто не мог сравниться со мной в быстроте бега. Я летел, как ветер, летел, как олень, которого собаки застигли во сне. Понемногу звук погони становился слабее, пока наконец мои преследователи окончательно не потеряли меня из виду, и я остался один.

Мопо еще раз посещает свой крааль

Задыхаясь, бросился я на траву и лежал некоторое время. Отдохнув немного, я встал и спрятался в высоком тростнике, окружавшем болото. Весь день я пролежал, раздумывая о случившемся. Что мне было делать? Теперь я напоминал шакала, не имеющего даже норы. Если я вернусь к своему племени, меня, без сомнения, убьют как вора и убийцу. Кровь моя будет пролита за кровь Намы-колдуна. А этого я вовсе не желал. В эту-то тяжелую минуту я вспомнил Чеку – того мальчика, которому я много лет тому назад дал кружку воды. Я уже не раз слышал о нем. Его имя было известно в стране, его всюду повторяли, и деревья, и трава, казалось, шептали его.

Видение моей матери начинало осуществляться.

С помощью племени Умтетва он занял место своего отца Сенцангаконы, прогнал племя Амаквабе, теперь вел войну с Цвите, вождем племени Эндванде, и поклялся стереть его с лица земли. Я вспомнил обещание Чеки возвеличить меня и дать мне благосостояние в тени своей славы и решил бежать к нему.

Мне было жаль только мою сестру Балеку, и я решил взять ее с собой, если только удастся добраться до нее и сообщить ей о моем намерении. Я решил попробовать. Дождавшись темноты, я встал и пополз, как шакал, по направлению к краалю. Когда я дошел до плантации мучного дерева, я остановился. Голод мучил меня, пришлось, прежде всего, утолить его

полузрелыми плодами, а затем продолжать свой путь. Несколько человек сидело у входа одного из шалашей, разговаривая у костра. Я подполз ближе, как змея, и спрятался за куст.

Люди не могли видеть меня вне полосы света костра, я же хотел услышать, о чем они говорят.

Как я и предполагал, сидевшие говорили обо мне и, конечно, бранили меня. Они говорили, что убийством такого великого колдуна, как Нама, я, несомненно, принесу несчастье всему племени, что племя убитого владельца скота потребует огромного выкупа за нападение на него. Я услышал дальше, что мой отец отдал приказ всему народу начать с завтрашнего утра погоню за мною и умертвить меня, где бы меня ни нашли.

- Ага, - подумал я, - можете охотиться за мной, но охота ваша будет безуспешна!

В эту минуту собака, спокойно лежавшая до того времени у огня, встала и начала нюхать воздух, потом рычать. Я не на шутку перепугался.

- Что это собака рычит? - сказал один из смевших у огня. - Пойди, посмотри!

Но человек, к которому были обращены эти слова, только что нюхал табак и вовсе не расположен был двигаться.

- Пускай собака сама посмотрит, - ответил он, чихая, - к чему же держать собак, если надо самому ловить вора?

- Ну, пошла вперед, - обратился к собаке первый из говоривших. Собака с лаем бросилась вперед.

В эту минуту я увидел ее. Это была моя собственная собака Коос - хороший, верный пес. Я не знал, что делать. Собака, почуяв меня, перестала лаять и, прыгая в кустах, нашла меня и стала лизать мое лицо.

- Смирно, Коос! - шепнул я ему. Он покорно улегся у моих ног.

– Куда же это собака девалась? – заговорил первый голос. – Точно ее околдовали. Отчего она вдруг перестала лаять и не идет назад?

– Надо пойти посмотреть! – сказал другой, вставая с копьем в руках.

Я опять страшно испугался, думая, что они поймают меня, или же я должен буду снова обратиться в бегство. Но в ту минуту, когда я поднялся, чтобы бежать, большая черная змея проскользнула между людьми и направилась к шалашу. Все отскочили в ужасе, но сейчас же кинулись в погоню за змеей, решив единогласно, что собака лаяла, без сомнения, на нее.

Это был мой добрый Элозий, отец мой, принявший образ змеи, чтобы спасти мне жизнь. Как только люди удалились от меня, я пополз по другой дороге. Коос следовал за мной по пятам.

Я задумал пробраться в мой собственный шалаш, достать мои стрелы, меховое одеяло и попытаться поговорить с Балекой. Мой шалаш, очевидно, пуст: в нем никто не спал, кроме меня, а шалаш Намы находился на некотором расстоянии вправо.

Тем временем я дополз до тростниковой изгороди, окружавшей шалаш. У открытых ворот никого не было: обязанность закрывать их лежала на мне, а меня не было. Я приказал Коосу лежать смирно, смело дошел до двери моего шалаша и прислушался. Очевидно, шалаш был пуст, дыхания не было слышно, тогда я прополз в дверь и стал шарить рукой в поисках моих стрел, фляжки для воды и деревянной подушечки; она была так удачно вырезана, что мне стало жаль оставить ее. Все эти вещи я нашел. Затем я стал искать мое одеяло из шкур, и вдруг рука моя пришла в соприкосновение с чем-то холодным. Я вздрогнул и снова пощупал рукой. Оказалось, то было лицо человека, лицо мертвеца, лицо Намы, убитого мною. Вероятно, его положили в мой шалаш в ожидании погребения.

О! Тогда я не на шутку струсил. Нама мертвый и в потемках – это было гораздо хуже, чем Нама живой. Я готов был бежать, когда вдруг услышал разговор почти рядом с собою, за дверью. Говорили женские голоса. Я тотчас же узнал их, они принадлежали двум женам Намы.

Одна из них говорила, что пришла сторожить тело мужа. Таким образом я оказался в западне.

Раньше, чем я мог сообразить что-либо, я увидел свет в дверях и по тяжелому дыханию нагибающейся пожилой женщины понял, что вошла главная жена Намы. Она присела около тела так, что я не мог выйти из двери, начала плакаться и призывать проклятия на мою голову, не зная, что я слушаю ее. Страх заставил мой ум быстрее соображать. Теперь, когда я был не один, я уже не так боялся мертвеца, и вспомнил, кстати, какой он был обманщик. «Ладно, – подумал я, – пусть будет обманщиком еще один, последний раз!» Я осторожно просунул руки под его плечи и приподнял так, что тело его оказалось в сидячем положении. Женщина услышала шорох, и в горле ее как будто заклокотало.

– Будешь ли ты сидеть смирно, старая ведьма? – заговорил я, подражая голосу Намы. – Неужели ты не можешь оставить меня в покое даже мертвого? Услышав голос Намы, женщина в ужасе отшатнулась и собиралась с духом, чтобы позвать на помощь.

– Как? Ты еще смеешь кричать? – продолжал я тем же голосом. – Так вот же, я научу тебя молчанию!

С этими словами я повалил тело Намы прямо на нее. Она потеряла сознание и пришла ли когда-нибудь в себя, не знаю, но на некоторое время, по крайней мере, она была недвижима и для меня безопасна.

Я схватил одеяло из шкур – впоследствии я узнал, что это было лучшее одеяло Намы, ценностью в три быка, – и пустился бегом в сопровождении Кооса.

Крааль отца моего, вождя Македамы, находился на расстоянии двухсот шагов от моего шалаша. Прорезав себе лазейку в тростниковой изгороди с помощью моего асsegая, я подполз к шалашу, где спала Балека с несколькими своими сестрами от других матерей. Мне было известно, с какой стороны шалаша, она обыкновенно ложилась и где приходилась ее голова. Я лег на бок и очень осторожно начал сверлить дыру в тростнике, покрывавшем шалаш. Это заняло много времени, крыша была плотная, но наконец я одолел ее. Но тут я остановился. Мне пришло в голову, что Балека случайно переменила место, и тогда я разбужу не ту, которую мне надо. Я почти отказался от моего замысла, решив, что убегу один, как вдруг услышал, что одна из девушек проснулась и

начала плакать как раз на другой стороне шалаша.

- Ага, - подумал я, - это Балека оплакивает своего брата!

Я приложил губы к тому месту, где крыша была потоньше и шепнул:

- Балека! Сестра моя! Балека, не плачь. Я, Мопо, здесь. Не говори ни слова, вставай. Выйди ко мне. Захвати свое одеяло!

Балека была умная девушка. Она не вскрикнула, как сделала бы другая на ее месте, нет, она сразу все поняла, осторожно встала и через минуту выползла из шалаша с одеялом в руках.

- Где ты, Мопо? - шепотом спросила она. - Тебя, наверное, увидят и убьют!

- Тише! - ответил я и в нескольких словах объяснил ей мой план. - Хочешь идти со мной? Или ты желаешь вернуться в шалаш, простившись со мною, может быть, навеки?

Она подумала и сказала:

- Нет, брат мой, я пойду с тобой, потому что из нашего племени люблю тебя одного, хотя и предчувствую, что ты ведешь меня к моей гибели!

В ту минуту я мало обратил внимания на ее слова, но позже припомнил их. Итак, мы убежали вдвоем в сопровождении Кооса.

Мы пустились бегом по степи, обратив лицо к той стороне, где жило племя зулусов.

Бегство Мопо и Балеки

Остальную часть ночи мы шли безостановочно, наконец не только мы, но и собака, видимо, устала.

На день мы спрятались в кустах. Около полудня мы услышали голоса. Выглянув сквозь кусты, я увидел несколько человек нашего племени, посланных моим отцом в погоню за нами. Они направились к соседнему краалю, вероятно, для того, чтобы спросить, не видел ли нас кто-либо, и затем некоторое время они больше не показывались.

С наступлением темноты мы снова пустились в путь, но судьба преследовала нас. Мы встретили старую женщину, она как-то странно посмотрела на нас и молча прошла мимо. В последующие дни мы продвигались вперед день и ночь. Конечно, нельзя было сомневаться в том, что старуха сообщит нашим преследователям о встрече с нами – так оно и было.

На третий день мы набрали на плантацию мучного дерева, кусты которого были сильно потоптаны. Пробираясь между поломанными стеблями, мы наткнулись на тело старого человека, труп которого до того был усеян стрелами, что напоминал собою шкуру дикобраза. Нас это очень удивило. Пройдя немного дальше, мы убедились, что крааль, которому принадлежала эта плантация, только что сожгли дотла. Мы осторожно подошли к нему. Какое грустное зрелище представлялось нашим глазам! Впоследствии мы привыкли к ним, отец мой! Всюду, кругом лежали тела убитых они валялись десятками, старые, молодые, женщины, дети, даже грудные младенцы – все они лежали среди обгорелых шалашей, пронзенные множеством стрел. Земля, пропитанная их кровью, казалась красной, и сами они, озаренные последними лучами заходящего солнца, казались красными. Да, отец мой, вся местность была как бы окрашена кровавой рукой Великого Духа Умкулункула!

Вид этого ужасного зрелища заставил Балеку расплакаться.

Мы нашли очень мало пищи в этот день и ели только травы да зеленые плоды хлебного дерева.

– Здесь прошел неприятель! – сказал я.

Едва я успел выговорить эти слова, как мы услышали слабый стон по другую сторону сломанной тростниковой изгороди. Я пошел посмотреть, в чем дело.

Там лежала молодая женщина, тело ее было покрыто ранами, но бедняжка еще дышала, отец мой. В нескольких шагах от нее лежал труп мужчины, а около него еще несколько мертвых воинов другого племени.

Очевидно, все они пали в ожесточенной битве.

В ногах у женщины мы увидели тела трех детей, четвертый, совсем маленький, лежал рядом с нею.

В ту минуту, когда я нагнулся к несчастной женщине, она опять застонала, открыла глаза и увидела меня. Заметив копье в моих руках, женщина проговорила слабым голосом:

- Убей меня скорее! Неужели ты еще недостаточно терзал меня?

Я поспешил ответить, что я здесь чужой и вовсе не намерен убивать ее.

- Тогда дай мне воды, - сказала она, - там, позади крааля есть источник!

Я подозвал к несчастной женщине Балеку, а сам пошел за водой. В источнике тоже валялись трупы, которые пришлось вытащить, и когда вода немного очистилась, я наполнил фляжку и отнес умирающей. Она жадно припала к ней губами, силы немного вернулись к ней, вода придала ей жизни на несколько минут.

- Как это случилось? - спросил я участливо.

- На нас напал отряд Чеки - вождя зулусов, - ответила она, - и уничтожил нас. Они налетели на нас сегодня на рассвете, когда мы все еще спали. Я проснулась и услышала, как убивают. Я спала с моим мужем, вот он лежит здесь, наши дети спали тут же. Мы выскочили из шалаша, мой муж держал в руках щит и копье. Он был храбрым человеком. Посмотри! Он умер храбро, убив трех чертей зулусов прежде, нежели сам пал мертвым. Тогда они схватили меня, убили на моих глазах всех детей, а меня кололи до тех пор, пока я не показалась им мертвой, тогда они оставили меня. Я не знаю наверное, за что они напали на нас, но думаю за то, что наш вождь отказался послать воинов на помощь Чеке против Цвите!

Женщина замолчала, лотом громко вскрикнула и испустила дух.

Балека опять расплакалась, да и сам я был глубоко возмущен и потрясен ее рассказами. Ах! – подумал я. – Великий Дух должен быть очень злым, иначе такие ужасы не могли бы твориться!

Так я размышлял в то время, отец мой, теперь я думаю иначе. Я знаю, что мы тогда не шли по пути Великого Духа, оттого так и было. В то время, отец мой, я был ребенком.

Впоследствии я привык к таким зрелищам. Они более не трогали меня ничуть, но тогда, во времена Чеки, реки текли кровью, отец мой! Прежде, чем зачерпнуть из них воды, не мешало убедиться, чиста ли она. Люди умели умирать без лишнего шума.

Не все ли равно? Не тогда, так теперь они были бы мертвы. Это еще не важно, да и вообще ничто не важно, кроме самого рождения.

Вот в чем главная ошибка, отец мой!

Мы провели ночь в разоренном краале, но спать не могли. Всю ночь духи мертвецов ходили вокруг нас и перекликались между собою. Оно и не удивительно – мужья искали своих жен, матери своих детей. Но нам-то это казалось страшно. Мы боялись, что они рассердятся на наше присутствие среди них.

Мы прижались друг к другу и дрожали, обнявшись. Коос тоже дрожал и по временам громко завывал. Но духи, по-видимому, не замечали нас, и к утру голоса их замолкли.

На рассвете мы встали и, осторожно пробираясь между мертвыми телами, продолжали свой путь. Теперь нам легко было найти дорогу к краалю Чеки мы шли по следам его войска и скота, который они угнали.

По дороге иногда попадалось мертвое тело воина, – очевидно, его убивали, если раны мешали ему продолжать путь.

Мною овладевало подчас сомнение, благоразумно ли с нашей стороны идти к Чеке? После всего, что мы видели, я боялся, что он убьет и нас, но свернуть было уже некуда, и я решил идти вперед, пока ничто не препятствовало нам.

Однако от усталости и голода мы начинали терять силы. Балека говорила, что всего лучше было бы остаться здесь и ждать смерти, которая положит конец нашим страданиям. Мы присели около ручья. Пока мы отдыхали на берегу ручья, Коос отбежал в ближайшие кусты, и вскоре мы услышали, что он с яростным лаем бросается на кого-то и как будто борется. Я подбежал к кустам и увидел, что собака поймала козленка, почти одного роста с собою. Я схватил копье, заколол козленка и громко закричал от радости; теперь было чем подкрепить наши слабеющие силы. Ободрав добычу, я отрезал несколько кусков мяса, обмыл их в ручье, и за неимением огня мы ели его сырым. Сырое мясо очень невкусно, но мы были так голодны, что не обращали на это внимания.

Утолив голод, мы встали и вымылись у ручья. Пока мы спокойно занимались этим делом, не подозревая о грозившей опасности, Балека случайно взглянула наверх и в ужасе вскрикнула.

Там, на вершине холма, на близком расстоянии от нас, мы увидели шесть вооруженных людей нашего племени. То были дети моего отца Македамы, они все еще продолжали погоню за нами, чтобы убить нас. Воины уже заметили нас, испустили дикий крик и бросились бегом по направлению к нам. Мы тоже побежали с быстротою ланей, причем страх еще более ускорял наш бег.

Положение было такое. Перед нами находилось открытое место, оно шло, все понижаясь, до берегов Белой Умфалоци.

Река извивалась по равнине, подобно огромной сверкающей змее. На противоположном берегу реки почва поднималась в гору, и мы не видели, что нас ожидает по ту сторону горы, но предполагали, что в этом направлении находится крааль Чеки.

Мы побежали к реке, да, впрочем, больше и некуда было деваться. За нами следом гнались воины.

Дикари понемногу настигали нас – они были сильны и очень озлоблены за то, что должны были забежать так далеко от своего краалья.

Для меня было ясно, что как бы скоро мы не бежали, они настигнут нас. Мы приближались к берегу реки, она была широкая и полноводная. Выше нас течение воды страшно сильное, белые гребешки пены показались на ее поверхности в тех местах, где вода мчалась над подводными камнями, а ниже крутился водоворот, где никто не мог переплыть, но между, против нас, была глубокая яма, вода над нею казалась спокойною, но с быстрым течением.

– Ах, Мопо, что нам делать? – задыхаясь, проговорила Балека.

– Выбирать одно из двух, – отвечал я, – или погибнуть от асsegая наших единоплеменников, или попытаться переплыть реку!

– Лучше утонуть в реке, нежели умереть под ударом асsegая! – ответила она.

– Хорошо! – сказал я. – Пусть же наш добрый гений придет нам на помощь и духи наших предков да будут с нами!

К счастью, мы оба хорошо плавали. Я подвел Балеку к самому краю реки. Мы бросили наши одеяла, бросили все, кроме копья, которое я держал в зубах, и вошли в воду, продвигаясь вброд, насколько было возможно.

Вода уже доходила нам до груди, наконец ноги наши перестали касаться земли, и мы поплыли на середину реки вслед за собакой Коосом.

В эту минуту воины показались на берегу, сзади нас.

– Эге, молодцы! – закричал один из них. – Вы плывете? Ну ладно, так вы непременно утонете, а если не утонете, то мы знаем брод и все же поймем вас и уьем. Да, да, если нам придется бежать на край света за вами, то все же поймем вас!

С этими словами говоривший пустил в нас стрелу, которая сверкнула, как молния, но упала между нами.

Пока он говорил, мы быстро надвигались вперед и уже попали в течение. Оно сильно относило нас вниз, но, несмотря на это, мы храбро, как хорошие пловцы, боролись с ним. Теперь дело обстояло так. Если течение не унесет нас вниз, к

водовороту, и нам удастся добраться до противоположного берега, мы спасены, в противном случае мы пропали. Мы уже были совсем близко от берега, но, увы, также близко и от пенящегося водоворота. Наконец я выбрался на небольшой утес около берега и оглянулся.

В восьми шагах от сестры бурно кипела вода. Я не мог вернуться к ней, так как чувствовал себя слишком утомленным, и, казалось, Балека должна была погибнуть. В эту минуту Коос заметил отчаянное положение. Верный пес с громким лаем подплыл к ней и повернулся головой к берегу. Балека схватила его за хвост, и собака напрягла все свои силы. Балека, со своей стороны, помогала ей ногами и левой рукой и медленно продвигалась вперед. Наконец я мог протянуть ей конец моего асегая, Балека схватилась за него левой рукой; ноги ее уже касались водоворота, но я и Коос тянули изо всех сил и мы вытащили ее благополучно на берег, где она упала в изнеможении. Когда воины на противоположном берегу увидели, что нам удалось переплыть реку, то дико закричали, посылая нам проклятия, и быстро побежали вдоль берега.

Я тотчас же уговорил утомленную девушку подняться, и мы начали взбираться на гору. Добравшись до верха, мы увидели вдали большой крааль.

– Мужайся, Балека, – сказал я, – смотри, вот крааль Чеки!

– Я вижу, брат! Но что ожидает нас там? Смерть перед нами, смерть за нами – мы со всех сторон окружены ею!

В эту минуту мы дошли до тропинки, шедшей от брода через реку Умфалоци к краалю. По ней, очевидно, прошло войско Чеки. Нам оставалось не более получаса пути, когда, оглянувшись, я заметил, что наши враги настигали нас. Их было теперь только пятеро, а шестой, вероятно, потонул при переправе через реку. Мы снова побежали, но силы наши все слабели, и преследователи быстро настигали нас.

Тогда я вторично вспомнил о собаке. Коос был злобен и разорвет каждого, на кого я натравлю. Я подозвал его и постарался объяснить ему, что требую от него, хотя и знал, что посылаю на верную смерть. Он понял и, весь ощетинившись, со страшным рычанием бросился на наших врагов. Те старались убить его копьями, но он бешено прыгал вокруг них, кусал кого попало и таким образом задерживал их бег. В конце концов один из них ударил пса по голове.

Коос подпрыгнул, схватил его за горло и повис на нем – оба упали, вцепившись друг в друга. Кончилось тем, что борцы одновременно испустили дух.

Да! Это была удивительная собака! Таких собак больше не встретишь. Она происходила от бурской собаки, впервые появившейся в то время в нашей стране. Эта собака, отец мой, однажды справилась одна с леопардом. Так погиб мой верный Коос!

Тем временем мы продолжали бежать. Теперь мы уже находились шагах в трехстах от ворот крааля и могли заметить, что в нем происходило что-то необыкновенное. Остальные четыре воина, бросив труп товарища, быстро настигали нас.

Я понял, что они добегут до нас раньше, чем мы успеем дойти до ворот. Балека могла двигаться лишь очень медленно. Мне пришла в голову такая мысль: я привел сюда Балеку и тем подверг ее смертельной опасности, теперь, если возможно, я сам спасу ее жизнь. Если она дойдет до крааля без меня. Чека не убьет такую молодую и красивую девушку.

– Беги, Балека! Беги! – крикнул я, бросаясь назад.

Бедная Балека почти ослепла от усталости и страха и, не подозревая моего намерения, продолжала медленно продвигаться к воротам. Я же присел на траву перевести дух, прежде чем вступить в борьбу с четырьмя врагами, с твердым намерением бороться до тех пор, пока меня не убьют.

Сердце мое сильно билось, и кровь ударяла в голову, но когда воины приблизились ко мне и я встал с копьем в руках, кровавая скатерть снова заколыхалась перед моими глазами, и всякий страх покинул меня. Враги мои бежали попарно, на расстоянии полета копья между ними, но при этом в первой паре один был впереди на пять или шесть шагов. Этот последний дико крикнул и бросился на меня с поднятым копьем и щитом. У меня не было щита, не было ничего, кроме асегая, но я был хитер. Вот он приблизился ко мне, я стоял, выжидая, пока он не занес копья надо мной, тогда я внезапно бросился на колени и направил мой удар ниже края его щита. Он тоже нанес мне удар, но промахнулся, копье его только разрезало мне плечо. Видишь, вот шрам! Мое копье попало в цель и прокололо его насквозь. Он упал и бешено катался с ним по земле. Зато я теперь был безоружен, рукоятка моего копья сломалась надвое,

и в моих руках остался только короткий кусок палки. Тем временем другой враг уже спешил ко мне! Он показался мне ростом с целое дерево. Я уже считал себя мертвым, потому что никакой больше надежды не осталось тьма готовилась поглотить меня. Но вдруг в этой тьме блеснул свет. Я бросился плашмя на землю и повернулся на бок. Тело мое ударилось о ноги моего врага с такой силой, что он потерял равновесие и со всего размаху полетел кувырком, не успев ударить меня копьем. Раньше, чем он коснулся земли, я уже вскочил на ноги. Копье выскочило из его рук. Я нагнулся, схватил его и, пока он вставал, пронзил его копьем в спину.

Все это произошло в несколько секунд, отец мой, а он уже упал мертвый.

Тогда я пустился бежать и шагах в восьмидесяти от крааля нагнал сестру. В этот момент она упала на землю. Теперь меня, наверное, убили бы, если бы оставшиеся два врага на минуту не остановились около своих мертвых товарищей, и хотя теперь снова бросились за мной с удвоенною яростью, но было уже поздно. Как раз в это время ворота крааля распахнулись, из них вышло несколько воинов, волоча за руки пленника. За ними показался высокий человек с шкурой леопарда на плечах, он громко смеялся; вслед за ним выступили пять или шесть его приближенных, шествие замыкалось еще партией воинов. Все сразу поняли, в чем дело, и подбежали к нам как раз в ту минуту, когда наши враги настигли нас.

– Кто вы такие? – закричали они. – Кто осмеливается убивать у ворот крааля Слона? Здесь убивает только сам Слон!

– Мы дети Македамы, – отвечали они, – преследуем злодеев, совершивших убийство в нашем краале. Смотрите, вот сейчас двое из нас погибли от их руки, а еще двое других лежат мертвыми на дороге. Разрешите нам убить их!

– Спросите у Слона! – отвечали воины. – Да, кстати, просите, чтобы он позволил не убивать вас самих!

Как раз в это время высокий вождь увидел кровь и услышал снова спутников.

Он гордо выпрямился.

Действительно, на него стоило посмотреть. Несмотря на молодость, он был на голову выше всех окружающих, ширины его грудной клетки хватило бы на двух, лицо его было красиво, хотя и свирепо, глаза горели, как уголья.

– Кто эти люди, дерзнувшие поднять пыль у ворот моего крааля? – спросил он, нахмутив брови.

– О, Чека! О, Слон! – ответил один из военачальников, склоняясь перед ним до земли. – Эти люди говорят, что они преследуют злодеев и хотят умертвить их!

– Прекрасно! – сказал он. – Пусть они убьют злодеев!

– О, великий вождь! Благодарение тебе, великий вождь! закричали наши обрадованные единоплеменники.

– Когда они убьют злодеев, – продолжал Чека, – пусть им самим выколят глаза и выпустят на свободу искать дорогу домой за то, что осмелились поднять копье перед воротами великого племени зулусов. Ну, что же, продолжайте восхвалять меня, дети мои!

Он дико захохотал, а воины тихо шептали:

– О, он мудр! Он велик! Его справедливость ясна и страшна, как солнце.

Однако, люди моего племени заплакали от страха, они вовсе не искали такой справедливости.

– Отрежьте им также языки! – продолжал Чека.

– Что? Неужели страна зулусов потерпит такой шум? Никогда! Разве лишь в том случае, когда стада их разбегутся. Начинайте! Эй вы, чернокожие! Вот там лежит девушка, она спит и беспомощна. Убейте ее! Что? Вы колеблетесь? Хорошо! Если вам нужно время на размышление, я даю его вам. Возьмите этих людей, обмажьте их медом и привяжите к муравьиным кучам – завтра с восходом солнца они скажут нам, что думают!

- Начните с того, что убейте этих двух затравленных шакалов! - И он указал на меня и Балеку. - Они, кажется, очень устали и нуждаются в отдыхе!

Тогда я заговорил в первый раз. Воины уже приближались к нам, чтобы исполнить приказание Чеки.

- О, Чека, - воскликнул я, - меня зовут Мопо, а это сестра моя Балека!

Я остановился. Громкий взрыв хохота раздался вокруг меня.

- Прекрасно! Мопо и сестра твоя Балека! - угрюмо сказал Чека. - Здравствуйте, Мопо и Балека, а также прощайте!..

- О, Чека! - прервал я его. - Я Мопо, сын Македамы из племени Лангени. Я дал тебе кружку воды много лет тому назад, когда мы оба были мальчиками. Тогда ты сказал мне, чтобы я пришел к тебе, когда ты будешь могущественным вождем, ты обещал защитить меня и никогда не причинять мне зла. Вот я пришел и привел с собой сестру. Прошу тебя, не отрекайся от своих слов, сказанных много лет тому назад!

Пока я говорил, лицо Чеки заметно изменилось - он слушал меня очень внимательно.

- Это не ложь, - сказал он, - приветствую тебя, Мопо! Ты будешь собакой в моем шалаше, я буду кормить тебя из рук. Но о сестре твоей я ничего не говорил. Отчего же ей не быть убитой, раз я поклялся отомстить всему племени, кроме тебя одного?

- Потому что она слишком прекрасна, чтобы убивать ее, о, вождь! - отвечал я храбро. - А также потому, что я люблю ее и прошу ее жизни, как милости!

- Поверните девушку сюда лицом! - сказал Чека.

Приказание его было немедленно исполнено.

- Опять ты сказал правду, сын Македамы. Я жалею тебе этот подарок. Она тоже поселится в моем шалаше и будет одною из моих «сестер». Теперь расскажи мне

твою историю, но смотри, говори одну правду!

Я сел на землю и рассказал все, как было. Когда я кончил, Чека сказал, что очень жалеет о смерти Кооса; если бы он был жив, Чека послал бы его на крышу шалаша Македамы, отца моего, и сделал бы его вождем племени Лангени.

Затем он обратился к своему военачальнику:

– Я беру свои слова назад. Не нужно изувечивать этих людей из племени Лангени. Один умрет, а другому будет дана свобода. Вот здесь, Мопо, – и он указал на человека, которого перед тем выводили за ворота, – ты видишь перед собой человека, показавшего себя трусом. Вчера уничтожен был, по моему приказанию, крааль колдунов-чародеев, быть может, он попался вам на пути сюда. Этот человек и трое других напали на воина того крааля, защищавшего свою жену и детей. Он храбро дрался и убил трех из моих людей. Тогда эта собака побоялась встретиться с ним лицом к лицу, а метнул в него ассегаем, после чего заколол его жену. Это последнее еще не важно, но он должен был сразиться с мужем этой женщины в рукопашном бою. Теперь я хочу сделать ему великую честь. Он будет бороться насмерть с одним из свиней твоего хлева, – он указал копьем на людей моего племени, – а тот, кто останется в живых, пусть бежит – за ним будут гнаться также, как они гнались за тобой. Эту вторую свинью я отсылаю в хлев с костью от меня. Ну, выбирайте между собой, дети Македамы, кто из вас останется в живых?

Люди моего племени были братья и любили друг друга, а потому каждый из них готов был умереть, чтобы дать свободу другому.

Оба разом выступили вперед, выражая готовность на единоборство с зулусом.

– Что? Неужели и между свиньями есть чувства чести? насмешливо спросил Чека. – В таком случае, я сам решу этот вопрос. Видите этот ассегай. Я подброшу его вверх – если он упадет клинком кверху, тот, кто из вас выше ростом, получит свободу, а если же он упадет рукояткой книзу, то свободу получит тот, кто меньше!

С этими словами он подбросил ассегай. Глаза всех напряженно следили за тем, как оружие закружилось в воздухе и упало рукояткой на землю.

– Поди сюда ты! – обратился Чека к тому, кто был повыше. – Спешి назад в крааль Македамы и скажи ему: так говорит Чека, Лев зулусов, как Маландела: много лет тому назад твое племя отказалось дать мальчику Чеке кружку молока, сегодня собака сына твоего, Мопо, воеет на крыше твоего шалаша. Ступай!

Человек обернулся, пожал руку своему брату и ушел, унося с собою слово дурного предзнаменования. Затем Чека обратился к зулусу и к оставшемуся воину моего племени, приказав начать единоборство.

Воздав хвалу могущественному вождю, они начали яростно бороться, причем мой единоплеменник победил зулуса. Едва он успел перевести дух, как должен был пуститься бежать, а за ним погнались пять выборных людей. Однако моему единоплеменнику удалось убежать от них, он скакал, как заяц, и благополучно ушел от них. Чека не рассердился, я думаю, что он сам приказал своим воинам не особенно торопиться. В жестоком сердце Чеки была одна хорошая черта: он всегда готов был спасти жизнь храброго человека, если мог это сделать, не умаляя своего достоинства. Что касается меня, то я был очень рад тому, что мой единоплеменник победил того, кто так зверски убил детей бедной женщины в краале за рекой.

Мопо назначается царским врачом

Теперь ты знаешь, отец мой, при каких обстоятельствах моя сестра Балека и я, Мопо, поселились в краале Чеки, по прозвищу Лев зулусов.

Ты, может быть, спросишь меня, отчего я так долго остановился на этом рассказе, столь похожем на все рассказы наших племен? Это ты увидишь впоследствии, так как из этих обстоятельств произошла, подобно тому, как происходит дерево из семени, история рождения Булалио-Умслопогаса – Умслопогаса-Убийцы и Нады Прекрасной – историю любви которых я хочу вам рассказать.

Дело в том, что Нада была моей дочерью, а Умслопогас, что известно лишь немногим, был никто иной, как сын царя Чеки, рожденный от сестры моей Балеки.

Когда Балека оправилась от усталости, ее прежняя красота вернулась, и Чека взял ее в жены, в число женщин, которых он называл «сестрами». Что касается меня, то Чека взял меня в число своих врачей и так остался доволен моими медицинскими познаниями, что со временем возвел меня в достоинство главного врача. Это был важный пост, занимая который в течение нескольких лет, я стал обладателем многих жен и большого количества скота. Но звание это влекло за собой большую опасность. Встав утром здоровым и сильным, я не мог быть уверен, что ночью не буду представлять из себя окоченелый труп. Многих своих врачей Чека убивал таким образом. Как бы хорошо они его ни пользовали, их постигала та же участь. Неминуемо приходил такой день, когда царь чувствовал себя нездоровым или не в духе и принимался за истязание своего врача. Мне же удалось избежать такой участи: во-первых, благодаря моим медицинским способностям, а во-вторых, в силу клятвы, данной мне Чекой, когда мы оба были детьми.

Дело дошло до того, что куда бы ни шел царь – за ним следовал и я. Я спал рядом с его шалашом, сидел за ним во время совета, в битве я находился всегда при нем. О, эти битвы! Эти битвы! В те времена люди умели сражаться, отец мой. В те дни коршуны тысячами сопровождали наши войска, гиены стаями ходили по нашим следам, и все были удовлетворены. Никогда не забуду я первой битвы, во время которой я находился рядом с Чекой. Это было вскоре после того, когда царь построил себе новый крааль на берегу р. Умлатуза. В это самое время вождь Цвид в третий раз пошел войной на своего соперника. Чека выступил ему навстречу с десятью отрядами (около 30 000 чел.), впервые вооруженных короткими копьями. План местности был таков: на длинном отлогом холме, как раз против нашего войска, расположились отряды Цвида – их было семнадцать. От этой массы чернокожих сама земля казалась черной. Мы тоже расположились на противоположном холме, нас разделяла небольшая долина с ручьем посередине.

Всю ночь наши костры освещали долину, всю ночь песни воинов раздавались на холмах. Наступил рассвет. Волы замычали, войска начали подыматься, воины бодро вскакивали на ноги, стряхивая утреннюю росу с волос и щитов. Да! Они вставали! Вставали и радостно готовились идти на верную смерть. Отряды, один за другим, становились в боевой порядок. Утренний ветерок своим легким дуновением освежал их, перья, украшавшие их головы, слегка колебались; эти перья склонялись, как поле засеянной травы, уже готовой к жатве. За холмом загоралась заря смерти.

Она отражалась красным светом на медно-красных щитах. Место битвы тоже приняло красный оттенок. Белые перья вождей, казалось, тоже окрасились багровым цветом. Они знали значение этого цвета, они видели в том предзнаменование смерти – и что же? Храбрецы смеялись от радости при мысли о приближавшейся битве. Что такое смерть?

Разве нехорошо умереть под ударом копья? Что такое смерть? Разве не счастье умереть за своего царя? Смерть есть оружие победы! Победа будет невестой каждому из них в эту ночь. О! Как нежна ее грудь! Чу! Раздается воинственная песнь «Ингомо», звуки которой приводят в исступление бойцов. Она сначала раздается слева и, как меч, перекачивается от одного отряда к другому.

Вдруг Чека гордо выступил из рядов в сопровождении меня и своих военачальников. Он гордо выступал, как большой олень; в глазах его отражалась смерть, он втягивал в себя воздух, раздувая ноздри, и в воздухе этом носились смерть и убийство. Но вот он поднял свое копье, и сразу наступило полное молчание, только звуки песни еще перекачивались по вершинам холмов.

– Где же дети Цвида? – громким голосом закричал он, голосом, похожим на рев быка.

– Там, внизу, отец! – отвечали воины. Копье каждого воина указало на долину.

– Что же они не выступают? – снова закричал он. – Не стоять же нам здесь до старости!

– О, нет, отец! – ответили все сразу. – Начинай! Начинай!

– Пусть отряд Умкланду выступит вперед! – закричал он в третий раз.

Лишь только он произнес эти слова, черные щиты Умкланду выдвинулись из рядов войска.

– Идите, дети мои! – воскликнул Чека. – Вот неприятель. Идите и больше не возвращайтесь!

– Мы внемлем, отец! – ответили они в один голос и двинулись по откосу, подобно бесчисленному стаду со стальными рогами.

Вот они перешли лоток, и только тогда Цвид как бы проснулся. Ропот пронесся по его войску, копья засверкали в воздухе.

– У-у, вот они идут! У-у, они встретились. Слышен гром их щитов! Слышны звуки воинственной песни!

Ряды колышутся взад и вперед. Умкланду отступают – они бегут! Они кидаются назад через поток, правда, только половина их, – остальные все мертвы. Рев ярости раздается в рядах войска, один только Чека улыбается.

– Расступитесь! Расступитесь! Дайте дорогу красным девицам Умкланду – и с поникшими головами они проходят назад.

Чека шепотом говорит несколько слов своим приближенным. Они бегут и шепотом передают приказание Менциве-полководцу и остальным начальникам отрядов.

Вслед за этим два отряда стремительно спускаются с холма, другие два отряда бегут направо, а еще два отряда – налево. Чека стоит на холме с тремя остальными.

Снова раздается звук сталкивающихся щитов. Вот это люди! Они бьются! Они не бегут! Один неприятельский отряд за другим кидается на них, а они все стоят. Они падают сотнями, тысячами, но ни один не бежит, и на каждом из павших лежат по два мертвых тела. Ого! Го, отец мой! Из этих двух отрядов ни один воин не остался в живых. Это были все мальчики, но все дети царя Чеки. Сам Менцива погребен под грудами своих мертвых воинов. Теперь больше нет таких людей. Вот они убиты, все успокоились.

Однако Чека все еще стоит с поднятой рукой. Он зорко оглядывает и север, и юг. Смотри! Копья блестят среди листвы деревьев.

Передние ряды нашего войска сошлись с крайними отрядами неприятельского. Они убивают и их убивают, но воины Цвида многочисленны и храбры! Мы

начинаем терять слишком много воинов.

Тогда Чека опять говорит одно слово. Военачальники слышат его, воины вытягивают шеи, чтобы лучше услышать.

Вот оно раздаётся, наконец:

– Вперед, дети племени зулусов!

Слышен рев, топот ног, копья сверкают, перья развеваются, и подобно реке, выступающей из берегов, или тучам перед бурей, мы обрушиваемся без разбора на друзей и врагов. Они спешно строятся, готовясь встретить нас. Но поток уже пролетел, раненые приподнимаются и подбадривают нас. Мы топчем все на пути своем. Что нам до них? Они не могут больше биться. Навстречу нам стремится Цвид, мы сталкиваемся, подобно двум стадам разъяренных быков.

О-у! Отец мой! Больше я ничего не помню. Все окрасилось в багровый цвет. О, эта битва! Эта битва!

Мы отбросили их, но когда нам удалось одолеть врага, ничего не было видно – откос холма, казалось, пылал и чернел. Немногие спаслись бегством, да почти некому было и бежать. Мы пронеслись над ними, как огонь, и уничтожили их. Наконец мы остановились, ища взором врага. Все были мертвы.

Войска Цвида не существовало больше. Началась перекличка.

Десять отрядов видели восход солнца, и лишь три видели его закат: остальные были там, где солнце уже не светит.

Таковы бывали битвы во времена царя Чеки!

Вы спрашиваете, что случилось с отрядом, обратившимся в бегство? Я сейчас скажу вам, отец мой!

Когда мы вернулись в наш крааль. Чека призвал этот отряд и сделал ему перекличку. Он говорил с ними ласково, благодарил за службу, прибавив, что находит естественным, что «девушкам» делается страшно при виде крови, и что

они бегут назад в свои краали. Тем не менее, он приказал им не возвращаться, а они все же вернулись!

Что же ему делать?

С этими словами Чека закрыл лицо руками.

Тогда воины убили их всех, около двух тысяч человек, убили, осыпая насмешками и упреками!

Вот как поступали в те времена с трусами, отец мой. После такого примера против одного зулуса вступало в борьбу не менее пяти воинов всякого другого племени! Если бы даже десять человек вышли на него, то и тогда он не обратился бы в бегство. «Бейтесь и падайте – но не бегите» – таков был наш девиз.

Никогда больше, при жизни царя Чеки, побежденный отряд не переступал врат царского краала. Эта битва была лишь одной из многих.

С каждым новолунием свежее войско отправлялось обмывать свои мечи.

Возвращались лишь немногие, но всегда с победой и бесчисленным множеством захваченного скота. Избежавшие асsegая составляли новые отряды, и хотя ежемесячно умирали тысячи, но войско царя Чеки все-таки росло числом.

Вскоре Чека остался единственным вождем в стране. Умсудука пал, а за ним и Мансенгеца, Умциликази отогнали далеко к северу, Мастеване совершенно уничтожили. Тогда мы ринулись в эту сторону – Наталь.

Когда мы появились здесь, нельзя было счесть народа, когда мы ушли, кое-где можно было встретить человека, прячущегося в пещере – вот и все!

Мужчин, женщин, детей – всех стерли с лица земли, никого не осталось в стране. Затем настал черед Уфаку – вождя Апомондосов.

Ах, где-то теперь Уфаку?

И так шло дальше и дальше, и, наконец, сами зулусы устали воевать, самые острые мечи затупились.

Рождение Умслопогаса

Чека не имел живых детей, несмотря на то, что у него было много жен. Таково было правило его жизни. Каждого ребенка, рождавшегося от одной из его «сестер», немедленно убивали, так как Чека опасался, чтобы его сын не сверг его и не лишил власти и жизни.

Вскоре после рассказанных событий сестре моей Балеке, жене царя, пришло время родить, и в тот же день жена моя Макрофа разрешилась близнецами. Это случилось через восемь дней после того, как Ананди, моя вторая жена, родила сына.

Когда царь узнал о болезни Балеки, он не приказал тотчас же умертвить ее, потому что немного и по-своему любил ее. Он послал за мной и приказал мне быть при ней, а когда ребенок родится, принести показать его труп, согласно обычаю, по которому он лично должен был убедиться в его смерти.

Я склонился перед ним до земли и с тяжелым сердцем пошел исполнять его приказание.

Но приходилось покориться, зная непреклонность Чеки, не допускавшего неповиновения.

Я отправился в Эмпозени – местопребывание царских жен, и объявил приказание царя стоявшей у входа страже. Воины подняли свои копья и пропустили меня, я вошел в шалаш Балеки. В нем находились и другие царские жены, но при виде меня женщины встали и ушли; закон не позволял им оставаться в моем присутствии. Таким образом я остался наедине с сестрой. Несколько минут Балека лежала молча, по волнению ее груди я заметил, однако, что она плачет.

– Потерпи, милая! – сказал я, наконец. – Скоро страдания твои кончатся!

– О, нет, – ответила она, поднимал голову, – только начнутся. О, жестокий человек! Я знаю, зачем ты пришел: умертвить моего будущего младенца!

– Ты знаешь сама – такова воля царя!

– А! Воля царя! А что мне до воли царя? Разве я сама не имею голоса в этом?

– Да ведь это ребенок царя!

– Это ребенок царя – правда, но разве он также и не мой ребенок? Неужели мое дитя должно быть оторвано от моей груди и задушено, и кем же? Тобою, Мопо! Не я ли бежала с тобой, спасая тебя от злобы нашего народа и мести отцовской? Знаешь ли ты, что два месяца тому назад царь разгневался на тебя, когда заболел, и наверное умертвил бы тебя, если бы я не заступилась и не напомнила ему клятвы? И вот как ты отплачиваешь мне! Ты приходишь убить мое дитя, моего первенца!

– Я исполняю приказание царя! – отвечал я угрюмо, но сердце мое разрывалось на части.

Балека больше ничего не сказала, но, отвернувшись лицом к стене, горько плакала и стонала. Тем временем я услышал шорох у входа в шалаш, и свет в дверях заслонила входящая фигура. Вошла женщина. Я обернулся посмотреть на нее и сразу упал, кланяясь до земли. Передо мной стояла Унанда, мать царя, по прозвищу Мать Небес, – та самая женщина, которой моя мать отказалась дать молока.

– Здравствуй, Мать Небес! – приветствовал я ее.

– Здравствуй, Мопо, – отвечала она. – Скажи, почему плачет Балека? Оттого ли, что она мучается родами?

– Спроси ее сама, великая Мать Вождя! – сказал я.

Тогда Балека заговорила прерывающимся голосом:

– Я плачу, царица Мать, потому, что этот человек, брат мой, пришел от того, кто мой господин, от твоего сына, чтобы умертвить моего будущего ребенка. О, Мать Небес, ты сама кормила грудью, заступись за меня! Твоего сына не убили при рождении!

– Кто знает, Балека? Может быть, было бы и лучше, если бы и его убили! грустно сказала Унанда. – Тогда бы многие из тех, кто теперь уже мертв, были бы живы!

– Но, по крайней мере, ребенком он был добр и ласков, и ты могла любить его. Мать зулусов!

– Никогда, Балека! Ребенком он кусал мне грудь и рвал мои волосы. Каков человек – таков был и ребенок!

– Да! Но ребенок его мог быть не таким. Мать Небес! Подумай, у тебя нет внука, который будет беречь тебя на старости лет. Неужели ты допустишь иссякнуть твоему роду? Царь, наш властелин, постоянно подвергается опасностям войны. Он может умереть, и что тогда?

– Что тогда? Корень Сенцангаконы не иссяк. Разве у царя нет братьев?

– Но они не твоей плоти и крови. Мать! Как? Ты не хочешь даже слушать меня? Тогда я обращаюсь к тебе, как женщина к женщине. Спаси мое дитя или убей меня вместе с ним!

Сердце Унанды дрогнуло. Слезы показались на ее глазах.

– Как бы это сделать, Мопо? – обратилась она ко мне. – Царь должен видеть ребенка мертвым, если же он заподозрит обман, а ты знаешь, и тростник имеет уши, то... Тебе известно сердце Чеки, и ты сам понимаешь, где будут лежать наши кости завтра!

– Неужели нет других новорожденных в стране зулусов? сказала Балека, приподнявшись на постели и говоря шепотом, похожим на шипение змеи.

– Слушай, Мопо! Твоя жена тоже должна была родить?

– Послушайте же меня – ты. Мать Небес, и ты, брат, слушай тоже. Не думайте шутить со мной. Я или спасу моего ребенка, или вы оба погибнете вместе с ним. Я скажу царю, что вы приходили ко мне оба и нашептывали мне заговор – спасти ребенка, а царя убить. Теперь выбирайте и скорее!

Она откинулась навзничь, мы молча переглядывались. Наконец, Унанда первая заговорила.

– Дай мне руку, Мопо, и поклянись, что ты будешь верен в сохранении этой тайны, так же, как и я клянусь тебе. Быть может, придет день, когда этот ребенок, еще не видевший света, будет царем страны зулусов, тогда в награду за сегодняшнюю услугу ты будешь первым человеком среди народа, голосом царя, его наперсником! Если же ты не сдержишь клятвы, берегись! Я умру не одна!

– Клянусь, Мать Небес! – ответил я.

– Хорошо, сын Макетами!

– Хорошо, брат мой! – сказала Балека. – Теперь иди и скорее делай все, что нужно. Я чувствую приближение родов. Иди и знай, что, в случае неудачи, я буду безжалостна и добьюсь твоей смерти, хотя бы ценою моей собственной жизни!

Я вышел из шалаша.

– Куда идешь? – спросила меня стража.

– Иду за лекарствами, слуги царские! – ответил я.

Так я сказал, но на душе моей было тяжело, и я задумал бежать из страны зулусов.

Я не мог и не смел сделать того, что от меня требовали. Неужели же я могу убить своего собственного ребенка, отдать его жизнь ради спасения жизни ребенка Балеки? Могу ли я пойти против воли царя и спасти ребенка, осужденного им на смерть? Нет, это невозможно! Я убегу, оставлю все, и буду искать племя, жилища где-нибудь в стороне, там я начну жизнь сначала. Здесь я

жить больше не могу. Здесь, около Чеки, ничего не найти, кроме смерти.

Размышляя таким образом, я дошел до своего шалаша и узнал, что жена моя, Макрофа, только что разрешилась двойней. Я выслал из шалаша всех, кроме Ананди, неделю тому назад давшей мне сына. Второй ребенок из двойни был мальчик и родился мертвым. Первой родилась девочка, известная впоследствии под именем Нады Прекрасной – Нады Лилии. Внезапная мысль озарила меня – вот где выход из моего положения.

– Дай-ка мне мальчика, – сказал я Ананди. – Он не умер. Дай его мне, я вынесу его за ворота крааля и верну к жизни моими лекарствами!

– Это бесполезно, ребенок мертвый! – воскликнула Ананди.

– Давай мне его, когда я приказываю! – закричал я свирепо. Она подала мне труп ребенка.

Я взял его, завернул в узел с лекарствами и все вместе обернул циновкой.

– Не впускайте никого до моего возвращения, – сказал я, – и не говорите никому ни слова о ребенке, которого вы считаете мертвым! Если впустите кого-нибудь или скажете слово, мое лекарство не поможет и ребенок действительно умрет!

С этими словами я вышел. Жены мои недоумевали. У нас не было в обычае оставлять в живых обоих детей, когда рождались двойни. Тем временем я поспешно бежал к воротам Эмпозени.

– Я несу лекарства, слуги царские! – объяснил я страже.

– Проходи, – ответили они. Я прошел ворота и направился к шалашу Балеки. Около нее сидела Унанда.

– Ребенок родился! – сказала мне мать царя. – Взгляни на него, Мопо, сын Македамы!

Я взглянул. Ребенок был крупный, с большими черными глазами, как у Чеки, мать царя, Унанда, вопросительно смотрела на меня.

– Где же он? – шепотом спросила она. Я развернул циновку и вынул мертвого ребенка, со страхом оглядываясь кругом.

– Дайте мне живого! – в свою очередь шепнул я.

Она передала мне ребенка. Я выбрал в своих лекарствах снадобье и натер им язык ребенка. Это снадобье имело свойство заставить онеметь язык на некоторое время. Затем я завернул ребенка в узел с лекарствами и снова обмотал его циновкой.

Вокруг шеи мертвого ребенка я завязал шнурок, которым будто бы задушил его, и слегка завернул его другой циновкой.

Теперь я в первый раз обратился к Балеке:

– Послушай, женщина, и ты, Мать Небес, я исполнил ваше желание, но знайте, что еще раньше, чем я доведу до конца это дело, оно будет стоить жизни многих людей. Будьте безмолвны, как могила, она широко разверзается перед вами обеими! – Я ушел, унося в правой руке циновку с завернутым в нее мертвым ребенком. Узел с лекарствами, где лежал живой, был привязан к плечам.

Я вышел из спальни и, проходя мимо стражи, молча развернул перед ними циновку.

– Ладно! – сказали они, пропуская меня.

Но с этой минуты начались мои неудачи. Как только я вышел за ворота, меня встретили три посланных от царя.

– Царь зовет тебя в Интункуму! – Так называется жилище царя, отец мой.

– Хорошо, – ответил я, – сейчас приду, но сперва я забегу к себе взглянуть на мою жену Макрофу. Вот у меня в руках то, что нужно царю! – При этом я показал им мертвого ребенка. – Отнесите его к царю!

– Царь не давал нам такого приказания, Мопо! – отвечали они. – Он приказал, чтобы ты сию же минуту явился сам к нему!

Кровь застыла в моих жилах. У царя много ушей. Неужели он уже знает? И как я осмелюсь явиться перед царем с живым ребенком за спиной? Я чувствовал в то же время, что всякое колебание послужит моей гибели, так же как изъятие страха или смущение.

– Хорошо! Идем! – ответил я, и мы вместе направились к воротам Интункуму.

Надвигались сумерки. Чека сидел на маленьком дворике перед своим шалашом. Я на коленях подполз к нему, произнося обычное царское приветствие «Баετε!» и, оставаясь в таком положении, ждал.

– Встань, сын Македамы! – сказал царь.

– Не могу встать. Лев зулусов! – отвечал я. – Я не могу встать, имея в руках царскую кровь, пока царь не дарует мне прощения!

– Где он? – спросил Чека.

Я указал на циновку в моих руках.

– Покажи!

Я развернул. Чека взглянул на ребенка и громко рассмеялся.

– Он мог бы быть царем! – сказал он, приказав одному из своих приближенных унести труп.

– Мопо, ты умертвил того, кто мог бы царствовать. Тебе не страшно, Мопо?

– Нет, царь! – ответил я. – Ребенок умерщвлен по приказанию того, кто сам царь!

– Сядь-ка, потолкуем. Завтра ты получишь в награду пять быков, ты можешь сам выбрать их из царского стада!

– Царь добр, он видит, что пояс мой туго стянут, он хочет утолить мой голод. Позволишь ли мне, царь, удалиться? Моя жена Макрофа родит, и я хотел бы навестить ее!

– Нет, посиди немного, скажи, что делает Балека, моя сестра и твоя?

– Все благополучно! – ответил я.

– Не плакала ли она, когда ты взял у нее ребенка?

– Нет, не плакала. Она сказала: воля моего властелина пусть будет моей волей!

– Хорошо. Если бы она плакала, то тоже была бы убита. Кто же был при ней?

– При ней была Мать Небес!

Чека нахмурил брови.

– Унанда, моя мать? Зачем она там была? Клянусь, хотя она и моя мать, если бы я думал... – и Чека остановился. На минуту он замолк и затем продолжал. – Скажи-ка, что у тебя в этой циновке? – Он указал концом своего ассега на узел за моими плечами.

– Лекарства, царь!

– Ты носишь с собой такое количество лекарств? Да их хватило бы на целое войско. Разверни циновку и покажи, что в ней!

Скажу вам откровенно, отец мой, что от ужаса у меня кровь застыла в жилах. Если бы я открыл циновку и он увидел ребенка, тогда... – Это «шагаши» оно заколдовано, мой повелитель. Не следует смотреть лекарства!

– Открой, говорю тебе! – возразил он гневно. – Что? Я не могу видеть этого, что должен глотать? Я, величайший из царей?

– Смерть есть лекарство царей! – ответил я, взяв в руки узел, и положил его как можно дальше от него, в тени изгороди. Затем нагнулся, медленно развязывая веревки. Капли пота текли по моему лицу, подобно каплям слез. Что делать, если он увидит ребенка? А что, если ребенок проснется и закричит? Я должен буду вырвать копье из рук царя и ударить его. Да, решено! Я убью царя и затем себя самого. Наконец цинковка была развязана. Сверху лежали коричневые корни целебных трав, а под ними бесчувственный ребенок, завернутый в мох.

– Скверная штука! – сказал царь, нюхая щепотку табаку. Смотри-ка, Мопо, какой у меня верный глаз! Вот тебе и твоим лекарствам! – С этими словами он поднял ассегай и намеревался пронзить им узел, но в эту минуту, когда он прицелился, мой добрый змей внушил царю чихнуть, и вследствие этого копье пронзило только листья моих целебных трав, не задев ребенка.

– Да благословит небо царя! – сказал я, как того требовал обычай.

– Спасибо, Мопо, это хорошее пожелание, – сказал царь, – а теперь убирайся! Следуй моему совету. Убивай своих, как я убиваю своих. Я делаю это для того, чтобы они не надоедали мне. Поверь мне, лучше потопить детенышей льва!

Я поспешно завернул узел, руки мои дрожали. О, если бы в эту минуту ребенок проснулся и закричал! Наконец я завязал узел, встал, поклонился царю и, согнувшись вдвое, прошел мимо него. Не успел я переступить ворота Интункуму, как ребенок начал пищать. О, если бы это случилось минутой раньше!

– Что это, – спросил меня один из воинов, – спрятано у тебя под поясом, Мопо?

Я не отвечал и бежал, не останавливаясь, до своего шалаша. Когда я вошел, обе мои жены были одни.

– Я вернул ребенка к жизни! – сказал я, развязывая узел. Ананди взяла ребенка и стала его разглядывать.

– Мальчик кажется мне больше, чем был!

– Дыхание жизни вошло в него и раздуло его! – объяснил я.

– И глаза его совсем другие, – продолжала Ананди. – Теперь они большие и черные, похожие на глаза царя!

– Дух мой глянул в них и сделал их красивыми! – ответил я.

– У этого ребенка родимое пятно на бедре. У моего, что я дала тебе, такого знака не было!

– Я прикладывал лекарства к этому месту! – ответил я.

– Нет, это другой ребенок, – сказала она угрюмо. – Это подмененное дитя, оно принесет несчастье нашему дону!

Тогда я вскочил в ярости и проклял ее, я понял, что если я не остановлю ее, язык этой женщины погубит нас.

– Замолчи, колдунья! – крикнул я. – Как ты смеешь так говорить? Ты хочешь навлечь проклятие на наш дом! Ты хочешь сделать нас всех жертвами царского гнева! Повтори еще твои слова – и ты сядешь в круг, Ингомбоко сочтет тебя за колдунью!

Я продолжал браниться, угрожая ей смертью, пока она не испугалась и, бросившись к моим ногам, молила о прощении.

Признаюсь, однако, я очень боялся языка этой женщины, увы – не напрасно!

Умслопогас отвечает царю

Прошло несколько лет и об этом происшествии, казалось, все забыли, но это только казалось. О нем не говорили, но и не забыли, и скажу тебе, отец мой, я очень боялся того часа, когда о нем вспомнят.

Тайна была известна двум женщинам: Унанде, Матери Небес, и Балеке, сестре моей, жене царя. Другие две – мои жены, Макроса и Ананди, подозревали ее.

При таких условиях тайна не могла быть сохранена навсегда. К тому же, Унанда и Балека не умели скрывать своей нежности к ребенку, который назывался моим сыном, но, в сущности, был сыном царя Чеки и сестры моей Балеки и, таким образом, приходился внуком Унанде.

Частенько то та, то другая заходили в мой шалаш под предлогом посещения моих жен, брали ребенка на руки и ласкали его. Напрасно просил я их воздерживаться от этих знаков особенного внимания к нему, любовь к ребенку брала верх, и они все-таки приходили. Кончилось тем, что Чека однажды увидел мальчика, сидящим на коленях своей матери Унанды.

– Какое дело моей матери до твоего мальчишки, Мопо? спросил ой меня угрюмо. – Разве она не может целовать меня, если ей так хочется ласкать ребенка? – И Чека дико расхохотался.

Я ответил незнанием, и вопрос на время замолк. Но с этого дня Чека приказал следить за своей матерью.

Тем временем Умслопогас из мальчика превратился в здорового крепкого отрока, подобного ему не было далеко кругом. С самого детства характер мальчика был немного угрюм, он говорил мало и, подобно отцу своему, Чеке, не знал чувства страха. Он любил только двух существ на свете – меня, Мопо, которого называл отцом, и Наду, считавшуюся его сестройблизнецом.

Надо сказать, что если среди мальчиков Умслопогас выделялся силою и храбростью, то, в свою очередь, Нада была прелестная, самая красивая девочка.

Скажу тебе откровенно, отец мой, мне кажется, она не была чистокровной зулуской, хотя поручиться в этом не могу. Во всяком случае, глаза ее были нежнее и больше, чем у женщин нашего племени, волосы длиннее и менее курчавы, и цвет лица ближе подходящий к цвету чистой меди. В этом отношении она вся была в мать свою, Макрофу, хотя красивее матери – красивее, чем кто-либо из виденных мною женщин. Мать ее Макрофа, жена моя, принадлежала к племени Сваци и попала в крааль царя Чеки вместе с другими пленными после одного из его набегов. Она считалась дочерью вождя из племени Галакаци, и что она родилась от его жены – это было верно, но был ли вождь отцом ее, я не знаю; от самой Макрофы я слышал, что до ее рождения в краале ее отца проживал европеец. Он был родом португалец, очень красив и мастерски

выделывал железные вещи. Этот европеец любил мать моей жены; говорили, будто Макрофа была его дочерью, а не дочерью вождя племени Сваци. Я знаю тоже, что за несколько месяцев до рождения моей жены вождь Сваци убил этого европейца. Никто, конечно, не мог знать сущей правды, и я говорю об этом лишь потому, что красота Нады более походила на красоту европейцев, нежели на красоту наших единоплеменниц, что было бы вполне естественно, если бы ее дед был действительно европеец.

Умслопогас и Нада были всегда неразлучны. О, как они были милы! Дважды, за время их детства, Умслопогас спас жизнь Нады.

В первый раз дело было так.

Однажды дети зашли далеко от крааля в поисках ягод. Незаметно забрались они в страшную глушь, где их застала ночь. Утром, подкрепившись яйцами, они тронулись дальше, но не могли выбраться из незнакомого места, а тем временем наступил вечер, и спустилась непроглядная мгла.

Наступило следующее утро, и дети изнемогали от усталости и голода, так как ягод больше им не попадалось. Нада, обессиленная, опустилась на землю, а Умслопогас все еще не терял надежды. Оставив Наду, он полез на гору, на склоне ее мальчик нашел много ягод и очень питательный корень, которым утолил свой голод. Наконец мальчик добрался до самой вершины. И что же, там, далеко, на востоке, он увидел белую полосу, похожую на стелющийся дым. Он сейчас же сообразил, что видит водопад за царским жилищем.

Бегом спустился он с горы с целым запасом кореньев и ягод в руках, прыгая и крича от радости. Но когда он добежал до того места, где оставил Наду, то нашел ее в бесчувственном состоянии. Бедняжка лежала на земле, а над нею стоял шакал, обратившийся в бегство при приближении Умслопогаса.

Казалось, было только два выхода из такого положения – или самому спастись, или же лечь рядом с Надой и ждать смерти. Но мальчик нашел еще третий. Он снял свою кожаную сумку, разорвал ее, сделал из нее веревки и привязал ими Наду к своей спине. С этой ношей мальчик направился к царскому краалю.

Ему бы никогда не удалось добраться – путь был слишком дальний, – но, к счастью, под вечер несколько царских посланных, проходя этим лесом,

наткнулись на голого мальчика с привязанной к его спине девушкой. Мальчик с палкой в руках, шатаясь, медленно продвигался вперед с блуждающими глазами и пеной у рта. От усталости он не мог больше говорить. Веревки глубоко врезались в тело на его плечах.

Узнав в нем Умслопогаса, сына Мопо, люди эти помогли ему добраться домой. Они хотели было оставить Наду, думая, что она уже мертвая, но Умслопогас знаками указал на ее сердце, и, убедившись в том, что оно еще билось, захватили и ее с собой. В конце концов, оба быстро оправались и более, чем когда-либо, полюбили друг друга.

После этого я просил Умслопогаса сидеть дома, не выходить за ворота крааля и не водить сестру по диким, незнакомым местам.

Но мальчик любил бродить, как дикий зверь, а куда он шел, туда шла и Нада. В один прекрасный день они опять ускользнули через открытые ворота и забрались в глубокую долину. Эта долина имела дурную славу из-за являющихся в ней привидений. Говорили, будто эти привидения убивают всех, кто туда попадет. Не знаю, правда ли это, но знаю, что в этой долине жила дикая женщина. Жилищем ей служила пещера, а питалась она тем, что ей удавалось убить, украсть или вырыть из земли.

Женщина эта была помешанная. Случилось это вследствие того, что мужа ее заподозрили в колдовстве против царя и убили. Чека, согласно обычаю, послал разрушить его крааль. Воины пришли и убили всех его обитателей. Напоследок умертвили детей, трех молодых девушек и закололи бы и мать, если бы в эту минуту, на глазах у всех, в нее не вошел дух, и она сошла с ума. Тогда они отпустили ее из-за духа, поселившегося в ней, и с тех пор никто не решался ее тронуть.

Несчастливая женщина убежала и поселилась в этой долине. Сумасшествие ее выражалось тем, что где бы она ни видела детей, особенно девочек, ею овладевало безумное желание убить их, как убили когда-то ее собственных детей. Такие случаи бывали не раз. Во время полнолуния, когда ее безумие достигало высшей степени, женщина уходила очень далеко в поисках детей и, как гиена, выкрадывала их из краалей.

И вот Умслопогас и Нада пришли в эту долину, где жила детоубийца. Они присели около впадины с водой, находившейся вблизи входа в ее пещеру, и, не подозревая об опасности, занялись плетением венков.

Вскоре Умслопогас отошел от Нады, ему вздумалось поискать тех лилий, что растут на скалах: Нада любила их. Уходя, он что-то крикнул ей. Его голос разбудил женщину, спавшую в своей пещере. Обыкновенно она выходила только ночью, подобно диким шакалам.

Услышав голос мальчика, женщина вышла из пещеры, полная кровожадных инстинктов, в руках она держала копье.

Увидев Наду, спокойно сидевшую на траве, занятую цветами, женщина крадучись стала приближаться к ней с намерением убить ее. Когда она уже была в нескольких шагах, – я рассказываю со слов самой девочки, – Нада почувствовала около себя как бы ледяное дыхание.

Невольный страх овладел девочкой, хотя она еще не замечала женщины, собиравшейся нанести ей смертельный удар. Нада отложила цветы, нагнулась над водою и там-то и увидела она отражение кровожадного лица детоубийцы.

Сумасшедшая подползла к ней сверху. Всклокоченные волосы закрывали ее лицо до бровей, глаза сверкали, как у тигрицы. Пронзительно вскрикнув, Нада вскочила и бросилась по тропинке, по которой ушел Умслопогас. Безумная женщина дикими прыжками пустилась вслед за нею.

Умслопогас услышал крик Нады, обернулся и бросился назад под гору и вдруг, о ужас! Перед ним очутилась безумная.

Она уже схватила Наду за волосы и занесла копье, чтобы пронзить ее. Умслопогас не был вооружен, у него ничего не было, кроме короткой палки. С этой палкой он бросился на безумную и так сильно ударил ее по руке, что она выпустила из рук девочку и с диким воплем бросилась на Умслопогаса с поднятым копьем.

Мальчик отскочил в сторону. Опять она замахнулась на него, но он высоко подпрыгнул вверх, и копье пролетело под его ногами. В третий раз женщина ударила его, и хотя он бросился на землю, стараясь избежать удара, но копье

все же вонзилось ему в плечо. К счастью, тяжесть его тела при падении выбила оружие из ее руки, и раньше, чем она могла снова схватить его, Умслопогас был уже на ногах на некотором расстоянии от нее, причем копье осталось воткнутым в его плечо.

Женщина обернулась с безумным яростным криком и бросилась на Наду с намерением задушить ее руками. Умслопогас, стиснув зубы, вырвал копье из раны и ударил им безумную. Женщина подняла большой камень и с силой швырнула его в мальчика.

Удар был так силен, что камень, ударившись о другой, разлетелся вдребезги. Он снова ударил женщину, и на этот раз так ловко, что копье пронзило ее насквозь, и она мертвая упала на землю. Нада перевязала глубокую рану на плече Умслопогаса, после чего с большим трудом дети добрались до крааля, где рассказали мне эту историю.

Однако, дело тем не кончилось. Некоторые из наших единоплеменников стали роптать и требовать смерти мальчика за то, что он убил женщину, одержимую духом. Но я сказал, что никто не тронет его. Он убил безумную, защищая свою жизнь и жизнь сестры, а всякий имеет право защищаться. Нельзя убить только того, кто исполняет приказание царя. «Во всяком случае, – говорил я, если женщина и была одержима духом, то дух этот был злой дух, потому что добрый дух не станет требовать жизни детей, а лишь животных, тем более, что у нас не в обычае приносить Амадонге человеческие жертвы, даже во время войны – это делают только собаки племени Базуто.»

Однако, ропот все увеличивался. Колдуны в особенности настаивали на смерти мальчика, они предсказывали всевозможные несчастья и наказание за смерть безумной, одержимой духом, если убийца ее останется в живых, и, наконец, дело дошло до самого царя.

Чека призвал меня и Умслопогаса, а также колдунов. Сначала колдуны изложили свою жалобу, испрашивая смерти мальчика. Чека спросил, что случится, если мальчик не будет убит. Они ответили, что дух убитой женщины внушит ему чинить зло царскому дому.

Чека спросил, внушит ли дух причинить зло лично ему – царю. Колдуны, в свою очередь, спросили духов и ответили, что опасность грозит не ему лично, а

одному из членов царской семьи после него. На это Чека сказал, что ему нет дела до тех, кто будет после него, и до их счастья или несчастья. После этого он обратился к Умслопогасу, отважно смотревшему ему прямо в глаза, как равный смотрит на равного.

- Мальчик, что ты имеешь сказать на то, чтобы не быть убитым, как того требуют эти люди?

- А то, великий царь, - ответил он, - что я убил безумную, защищая свою собственную жизнь!

- Это еще не важно, - сказал Чека, - если бы я, царь, пожелал убить тебя, осмелился бы ты убить меня или моего посланного? Итонго, поселившийся в этой женщине, был, несомненно, царственный дух, который приказал убить тебя, и ты должен был подчиниться его воле. Что ты можешь еще сказать в свою защиту?

- А вот что. Слон, - ответил Умслопогас, - если бы я не убил женщину, то она убила бы мою сестру, которую я люблю больше своей жизни!

- Это еще ничего не значит, - сказал Чека, - если бы я приказал убить тебя за что-нибудь, то разве не приказал бы убить и всех твоих? Не мог ли поступить так же и царственный дух? Если ты не имеешь ничего более сказать, то ты должен умереть!

Признаюсь, мне становилось страшно. Я боялся, что Чека, в угоду колдунам, убьет того, кого называли моим сыном.

Но мальчик Умслопогас поднял голову и храбро ответил, не как человек, просящий о сохранении своей жизни, а как человек, защищающий свое право.

- А вот что, победитель врагов, если и этого не достаточно, то не будем больше говорить - вели меня умертвить. Ты, царь, не раз приказывал убить эту женщину. Те, кому ты поручал исполнить твое приказание, щадили ее, считая женщину одержимой духом. Я же в точности исполнил приказание царя, я убил ее - будь она одержима или нет, так как царь повелел умертвить ее, а потому я заслужил не смерти, а награды!

– Хорошо сказано, Умслопогас! – ответил Чека. – Пусть дадут десять голов скота этому мальчику с сердцем взрослого человека, его отец будет стеречь их за него. Ты теперь доволен, Умслопогас?

– Я беру должное и благодарю царя, потому что он платить не обязан, а дает по своей доброй воле! – ответил мальчик.

Чека на мгновение замолчал, он начинал сердиться, но вдруг громко расхохотался.

– Да, да, этот теленок похож на того, что был занесен много лет тому назад в крааль Сенцангаконы! Каким я был, таков и этот малый. Продолжай, мальчик, идти по этой дороге и, может быть, в конце ее найдешь тех, кто будет тебя встречать царским приветствием «Баετε!» Но смотри! Не попадайся на моем пути – нам вместе тесно будет! А теперь ступай!

Мы ушли, но я заметил, как колдуны продолжали ворчать про себя. Они были недовольны и предвещали всякого рода несчастья.

Дело в том, что они завидовали мне и хотели поразить в самое сердце через того, кто назывался моим сыном.

Великое Ингомбоко

Некоторое время все было тихо, и так продолжалось до конца Праздника плодов.

Немало людей погибло за эти празднества, но тогда же происходило Великое Ингомбоко, или травля колдунов. Многих заподозрили в колдовстве против царя. В то время в стране зулусов положение было таково, что все племя трепетало перед чародеями. Никто не мог спать спокойно; так как не был уверен, что на другое утро его не тронут жезлом Изангузи, как назывались сыщики колдунов, и не приговорят к смерти.

Чека молчал и был доволен, пока Изангузи выслеживали только тех, от кого он сам желал отделаться, но когда они стали соблюдать свои собственные интересы и подвергали смерти его любимцев, царь стал гневен. Обычай страны требовал немедленной смерти тех, на кого указывали колдуны. Той же участи подвергалась и вся семья этого человека. Ввиду этого, сам царь редко мог спасти даже тех, кого любил.

Однажды ночью я был призван к царю по случаю его нездоровья. В этот день происходило Ингомбоко, и пятеро храбрейших военачальников были заподозрены вместе со многими другими. Все они были умерщвлены, послали также убить их жен и детей. Чека, очень рассерженный этими убийствами, призвал меня к себе.

– Мопо, сын Македамы, у нас теперь в стране зулусов правят колдуны, а не я! – обратился он ко мне. – Чем же это кончится? Чего доброго, они, наконец, меня самого заподозрят и убьют. Эти Изангузи одолевают меня, они покрывают страну, как ночные тени. Научи меня, как отделаться от них?

– Тот, кто идет по мосту копий, о царь, падает в бездну небытия! – ответил я мрачно. – Сами колдуны не могут удержаться на этом мосту. Разве у колдунов не такое же сердце, как у других людей? Разве кровь их нельзя пролить?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Элозий – добрый гений.

Колдуны-кафры употребляют для колдовства суставы звериных костей и бросают их, как мы бросаем кости в игре.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/genri-haggard/nada>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)